

КАРИНА
ДЕМИНА

Я – Миха

Карина Демина

Дикарь

«Автор»

2022

Демина К.

Дикарь / К. Демина — «Автор», 2022 — (Я – Миха)

У него осталось лишь имя и еще горячее желание убить мага, что превратил его в создание быстрое, смертоносное и абсолютно преданное хозяину. Правда, с преданностью дело как-то не заладилось, но стоит ли о том говорить? Вот Миха и не стал. Просто подождал удобного момента, чтобы перерезать глотку магу и свалить из проклятого города. Куда? Не важно. Мир велик, а на просторах Империи, глядишь, и сыщется место для дикаря с легкой амнезией. Если же нет, то Миха что-нибудь придумает. В конце концов, какие у него варианты?

© Демина К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	63
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Карина Демина

Дикарь

Глава 1

– Он вообще живой?

Голос донесся издалека. Миха хотел было открыть рот, сказать, что он определенно живой, но оказалось, что говорить слишком больно.

И дышать.

Боль накатывала волнами, то погребая, почти лишая сознания, то отступая, позволяя сделать очередной вымученный вдох.

– Обижаете, господин! – этот голос был сиплым.

И Михе он не понравился.

Категорически. Как и то, что губы он все же разомкнул, но из горла вырвался лишь клекочущий звук. То ли стон, то ли крик.

– Он дышит, – в грудь ткнулось что-то острое, заставив тело вздрогнуть. А следом снова пришла боль. – Конечно, сейчас он выглядит несколько непрезентабельно, но вы должны понимать, что завершается лишь первая стадия обработки.

Какой?

Как он вообще... кто он вообще?

Миха.

Слово засело занозой в воспаленном мозгу. И Миха уцепился за него, как и за искру сознания, что грозило оборваться.

– Однако прошу обратить внимание, – голос сместился, и теперь говоривший стоял за головой Михи.

Дотянуться бы до глотки.

Зачем?

Чтобы выдрать. Миха даже представил, как когти пробивают мягкую кожу уродца, разрывают тонкие стенки сосудов, и как выплескивает такая горячая сладкая кровь.

– В качестве основы мы взяли молодого *вилколакиса*.

Палка вновь ткнула в грудь, и от легкого прикосновения её все тело будто током трягнуло.

Током?

Что такое ток?

– Он был здоров. Крепок. И еще не утратил гибкости ни телесной, ни разума. Вместе с тем энергетические его каналы достигли высшей точки развития, а это в свою очередь значительно облегчит процесс трансформации. И гарантирует возникновение прочной, я бы сказал даже, неразрушимой связи с хозяином.

Хозяин?

У Михи нет хозяина! Миха сам по себе! Он хотел было сказать, но снова только и сумел, что заскулить, причем на редкость жалобно.

– Он нас слышит?

– Несомненно. Первая стадия довольно болезненна, поэтому изначально мы погружаем объект в сон. Однако на завершающем этапе сознание необходимо вернуть, во многом благодаря этому и достигается вся полнота преобразования. Если же, поддавшись ложному милосердию, и дальше держать разум в состоянии сна, он по пробуждении просто не справится с обновленным телом.

Не надо Михе обновленного тела! Отпустите!

Он... он что? Он где?

Он вообще не понимает. Ничего не понимает. И ничего не помнит, кроме того, что его зовут Миха, и еще что этому сиплему ублюдку надо вырвать глотку.

Потом. Когда Миха сумеет пошевелиться.

– Что ж, будем надеяться, он выживет.

– Не сомневайтесь, господин, – теперь в голосе послышалось эхо обиды. – Кризис уже миновал, и можно со всей определенностью сказать, что первая стадия подходит к завершению.

– И что вы сделали?

– Как и договаривались, – треклятая палка ткнулась куда-то под колено. – Внесли изменения в структуру мышечных волокон, приблизив оное к строению мышц степных арахнид.

Это ненормально.

Определенно. Совершенно напрочь ненормально. И стало быть, он, Миха, свихнулся? Или спит? Мысль была настолько спасительной, что Миха поспешно уцепился за неё. Но потом подумал, что во сне он не испытывал бы боли.

А боль была.

Он даже научился различать её.

– Уплотнили костную ткань, придав ей толику каменной прочности троллей. Для этого и нужен был костный мозг одной из горных тварей.

– Надеюсь, оно того стоило, – проворчал первый.

Миха решил, что в болезненном его бреду он назовет первого Первым. Это было логично.

– Стоило. Вот, попробуйте.

– То есть?

– Попробуйте отрубить ему ногу.

– Сейчас?

Сейчас? Миха взвыл бы и дернулся даже. Попытался. Но оказалось, что не способен пошевелиться. И вовсе не из-за недостатка сил. Что-то надежно удерживало его на поверхности.

Не важно. Главное, и сползти-то с этой поверхности не выйдет.

– Не стоит опасаться, объект хорошо зафиксирован.

– И все-таки это как-то чересчур, что ли...

– Отнюдь. Позвольте, я продемонстрирую, заодно и получите возможность оценить его способности к регенерации.

Миха взвыл.

И захлебнулся криком, ибо боль, и без того казавшаяся невыносимой, превысила всякий предел. Он, Миха, просто-напросто сгорал в этой боли, что сконцентрировалась где-то там, где в теории должна была быть нога.

– Посмотрите. Рассечена плоть и мягкие ткани, сосуды, нервы, а вот кость не пострадала. И даже если...

Боли стало еще больше.

Куда уж больше?

Миха не станет рвать сиплему глотку, нет. Он убьет его медленно. Заставив пережить все то же, что пережил он.

– Если плеснуть на рану кислотой или любым иным веществом, вызывающим ожоги, его регенерация с этим справится.

– Ему больно. Мне так кажется.

– Издержки процесса. Сейчас его нервная система пытается освоить измененное тело. Да и для управления им мы были вынуждены увеличить количество нервных отростков. И пока не завершится процесс калибровки, он будет воспринимать происходящее вокруг довольно остро. Взгляните, от раны не осталось и следа.

– Удивительно!

Тварь! Скотина. Дайте только выбраться. Миха выберется.

Обязательно.

– К слову, кожа его тоже отличается повышенной плотностью. К сожалению, нам пришлось купировать родовую способность по переходу в боевую форму, но кое-какие полезные особенности вида удалось сохранить. В случае повышенной опасности кожа его будет уплотняться, превращаясь в подобие чешуи. Вот здесь, на плече, островок. Не волнуйтесь, это тоже не будет бросаться в глаза. Возможно, визуально он будет казаться несколько более смуглым, но это легко будет объяснить происхождением.

– Что еще?

– Еще... пожалуй, нам удалось сделать его иммунным к подавляющему большинству ядов. Да, в случае отравления боеспособность образца упадет, но здесь уж ничего не поделаешь. Что касается энергетических воздействий, то вновь же, мы попытались снизить порог восприятия, но насколько удалось, сказать сложно. Здесь многое связано с внутренней гармонизацией структуры, а без энергетических потоков добиться её просто-напросто невозможно! Вы же понимаете, что подобное искусственное создание не способно существовать без внешней подпитки.

– Понимаю. Что ж, я вами доволен, магистр Годрус.

– Благодарю.

– И когда я смогу забрать... образец?

Он Миха! У него имя есть! Миха! И никакой не образец!

– К сожалению, не так скоро, как вам, верно, хотелось бы.

– И все-таки?

– Первый этап завершится через несколько дней или десятницу, самое большее. Однако затем потребуется время, чтобы образец свыкся с обновленным телом. Да и обучить его следует.

– Обучить? Вы говорили, что он сохранит разум!

– Несомненно, господин. Однако это, если вы помните, разум дикаря-вилколакиса. Не сомневаюсь, что он был неплохим охотником, но вам ведь нужен не охотник? Вам нужен тот, кто умеет обращаться с оружием. Тот, кто знает, как убивать и как защищать. У меня на примете есть подходящие учителя. Пара месяцев, и они сделают из него если не человека, – магистр мерзенько хихикнул, – то всяко годное его подобие.

– А привязка?

– Тоже состоится в несколько этапов. Вы привезли с собой кровь?

– Как вы и просили.

– Отлично. Тогда позвольте... нет, вы сами, я просто открою ему рот.

Миха стиснул зубы, но между ними, выдавив пару, просунули какую-то железяку.

– Силен. Не волнуйтесь, господин. По завершении ритуала в мире не найдется существа, более преданного вам.

В горло полилось что-то горячее.

И сладкое.

Настолько сладкое, что боль отступила, и Миха даже почти вспомнил, кто он есть.

– А теперь повторяйте за мной. Нам удалось получить его истинное имя, хотя он и сопротивлялся, но мои помощники знают свое дело.

Миха жадно облизал губы, хотя что-то подсказывало, что не стоило вот так доверять ублюдку.

Ублюдкам.

Над головой зазвучал голос. И слова, им произносимые, были незнакомы. Но слова эти зачаровывали. Миха слушал. Один голос.

Другой.

Слушал и... имя так и не назвали. Странно.

Простое ведь.

Тягучие голоса труб проламывали утренний туман, разрывали его на клочья, которые все одно не спешили таять. Цеплялись за острые шпильки. Расползались по крышам, по стенам, и только после падали на мощеные белым камнем дороги.

И следом за туманом таяли прочие звуки.

Великий Мазатлан, Благословенный город, замер за мгновение до удара гонга, который возвестил бы начало нового дня. И вот, облаченный в белые, знаком траура, одежды, Верховный жрец поднялся на вершину пирамиды, воздел руки к солнцу, испрошая поделиться милостью своей. На выбеленном предрассветном небе еще поблескивала звезда, но вот первый луч коснулся Дворцовой башни, воспламеняя драгоценное Сердце, поставленное на вершине её.

Руки жреца опали.

И повинувшись знаку, немой раб, прикованный к гонгу навеки, ибо такова была воля Богов, потянул за веревку. Било качнулось, отклонившись сперва нехотя, не желая расставаться с тишиной, но вот огромный язык его коснулся бронзы.

Жрец поморщился.

Столько лет прошло, столько исполнено ритуалов, а он все никак не привыкнет к этому вот, первому удару, пробирающему, казалось бы, до самых костей.

Он посмотрел на небо.

Поморщился.

День ожидался до крайности неприятным. Но все же открывал ряд возможностей, над которыми Верховный думал в последние дни.

И месяцы.

И с той самой минуты, как стало очевидно, что не спасут темнооковую Милинтику ни молитвы, ни жертвоприношения, ни даже богопротивные зелья, сотворенные магами Иштцу.

– Господин, – слуги появились беззвучно, чтобы помочь разоблачиться. Жреческое убранство было, вне всяких сомнений, роскошно, ибо таков обычай, но тяжело.

Слишком уж тяжело.

Или еще не слишком? Он наклонился, позволяя снять с головы венец, отлитый из золота и украшенный огненными камнями. Сам, сдерживаясь от желания просто содрать, снял воротник, сложенный из узких пластинок.

Уложил на деревянного болвана.

Отправились в шкатулку ритуальные браслеты. И жрец пошевелил пальцами, с наслаждением избавившись и от колец. Порой ему казалось, что он вовсе избавляется от шкуры, роскошной, золотой, но такой невероятно неудобной.

Он с благодарностью принял чашу ледяной родниковой воды.

Прополоскал рот.

Вздохнул.

День начался. А стало быть... жрец развел руки в стороны, и слуги поспешно обернули вокруг чресел его мягкое полотнище. Подали тунику траурного белого цвета, расшитую белой же нитью. Скрепив ткань золотыми розетками, они аккуратно разгладили складки, чтобы после набросить на плечи золотой плащ.

– Все готово? – Верховный поморщился, пусть бы и Малый венец весил раза в три меньше парадного, но носить его предстояло весь день.

Он сам надел его.

Бросил взгляд в зеркало, в котором отразились и тени слуг, и верный Нинус.

– Готово.

– Путь?

– Выстлан лепестками цветов. Ладья украшена белыми фрезиями. Покрывала расшиты ими же. Вышивальщицы закончили работу в полночь, так что времени хватило.

– Хорошо.

И кто скажет, что не прав он был, готовясь к церемонии заранее? Пусть потихоньку, исподволь, дабы никто не усмотрел в этой предусмотрительности опасного. Но ведь в ином разе разве вышло бы успеть все?

А Император гневлив.

И жену он любил искренне, иначе не позволил бы остановиться в благословенном городе магам. Жрец позволил себе тень улыбки: интересно, как станут маги оправдываться.

И успеют ли?

Император действительно гневлив.

Путь от храмового комплекса до дворца Верховный проделал в паланкине.

Слышались голоса плакальщиц. А ведь тоже хорошую плакальщицу пойдика найди. В храмах записываются едва ли не за год вперед. И никто-то не усматривает в том дурного.

Но то простые люди.

Звенели струны печальных арф, наполняя сердца болью. И никто-то не смел нарушить их песнь.

Император, облаченный в белые одежды, восседал на львином троне. Он показался вдруг ослабевшим, постаревшим и несчастным, как обыкновенный человек. Впрочем, Верховный быстро отогнал опасные мысли прочь и пал ниц, как требует ритуал.

– Встань, – раздался тихий шелестящий голос. – Подойди ко мне. Мне сегодня не нужен слуга, даже верный.

Император поднял золотую маску и вновь уронил её на колени.

– Она нашла покой, – сказал жрец тихо. И Советники, и слуги, и все-то, кто был в тронном зале, вперились взглядами в его спину.

Невиданное дело.

Неслыханное.

Но он поднялся. Сам. И преодолел тринадцать шагов, ведущих к ступеням трона, коих тоже было тринадцать. И никто-то из стражников, чьи лица тоже скрывали маски, не шелохнулся. Но Верховный не обманывался. Одно неловкое движение.

Один намек на...

Спина зачесалась от пота. А треклятый венец, кажется, слегка сполз на левый глаз. А ведь еще когда подумывал сделать его меньше, да побоялся. В храме тоже хватает болтунов, даже среди верных людей.

– Она давно попросила отпустить её, – Император подал руку, и Верховный бережно коснулся сухих пальцев. – Она давно умоляла отпустить, а я думал, что смогу. Сумею.

Вторая рука взлетела, взмахнула.

– Подите прочь, – велел Император. – Никто не понимает. Никто. Все только и думают о том, кто займет её место. И уже готовы притащить сюда своих дочерей, жен, да кого угодно, лишь бы... а я ещё люблю её.

– Не сомневаюсь.

– Но тоже скажешь, что я должен думать об Империи?

– Не сегодня.

– Но скажешь? – произнес Император требовательно.

– Не сегодня, – повторил Верховный. – Сегодня её день. И не след портить его.

Сердце оборвалось. За подобные слова можно было и головы лишиться. Но нет. Ныне Императором владела искренняя печаль. И он склонил голову.

– Ты прав, друг мой.

– Я буду рядом.

И вовсе не потому, что того требует обычай и обряд. Нет. Просто иногда можно поступиться и обычаями, и обрядами, вспомнить, что когда-то давно, во времена былые, когда Император не был Императором, но лишь одним из дюжины наследников, он имел право на дружбу.

И пользовался им.

– Хорошо, – Император поднялся. И маска в виде золотой львиной морды накрыла его лицо. Он сделал вдох. Выдох.

Поправил пурпурный плащ, расшитый золотыми кедровыми шишками, и соступил с трона. Верховный отодвинулся на шаг, пропуская владыку мира.

И занял место за правым его плечом.

За ним и стоял.

Что на золоченой ладье, которую везли по улицам города вслед за ладьей, украшенной цветами и шелками. Серебряные цветы горели на солнце, как и драгоценные камни. Запряженная двумя дюжинами белых быков – а ведь чтобы собрать нужное количество, ушло с пол-года – та медленно катилась, позволяя всем горожанам проститься с той, что уносила с собой сердце Императора.

И люди собирались.

Плакали.

Бросали цветы. Кричали что-то. Что именно? Слова не долетали, да и сама чернь держалась на разумном расстоянии, отделенная вереницей воинов в алых плащах.

Уже после, за городом, в долине Ушедших, ладья остановилась.

Замолчали плакальщицы.

И жрицы, заматавшие следы оливковыми ветвями, поклонились солнцу. Настало время службы. И Верховный вынужден был покинуть своего Императора.

Он молился.

Давно уже не молился столь искренне, ибо женщина, ушедшая в обитель мертвых, была умна и красива. Мила. Воспитанна. А еще умела сдерживать гнев того, кто прятал лицо за золотую маской. И казалось, что это лев, оживший, сотворенный богами на погибель тьме, вернулся в свои владения.

Казалось.

Нож легко вошел в мягкий живот первой жертвы, а рука привычно нащупала бьющееся сердце, чтобы выдрать его и бросить на поднос.

Еще раз.

И еще.

Привычно запахло кровью и дерьмом. И жрец подумал, что день и вправду затянется. Вереница пленных уходила куда-то вниз, солнце стояло высоко, а от ладьи несло ароматными маслами и гнилью, которую не способны были перебить благовония.

Бедная женщина. Слишком многих она не устраивала.

Последнее сердце он вырвал, когда алый камень Дворцовой башни начал тускнеть, а на землю легли сумерки. Руки слипались от крови. Мутило. И невыносимо хотелось пить. Жреца подхватили слуги, ибо у него не осталось сил даже на то, чтобы стоять.

Они же помогли спуститься.

Ладья давно исчезла, сокрывшись где-то в глубинах города Мертвых. И Верховный не знал, где именно обустроена усыпальница. К счастью. Те, кто знал, уйдут вслед за госпожой. Как и белоснежные быки с вызолоченными рогами, двенадцать кошек редкой бесшерстной породы, псы, лошади и служанки.

Плакальщицы опять же.

Плакальщиц было жаль. Обучить новых было непросто.

– Господин, – ему поднесли чашу, наполненную темным отваром. И жрец выпил до капли.

– Что Император?

– Велел открыть поминальный пир.

– Хорошо. Мне надо... – он оглядел себя и поморщился. Весь в крови. И отходить она будет тяжело. Но слуги бережно погрузили ослабевшее тело Верховного в горячий бассейн.

Терли.

Мазали.

Соскребали. Разминали, возвращая силы. И с каждой минутой крепло желание остаться здесь, в термах храма, но отсутствие Верховного на пиру не останется незамеченным. И не стоит гадать, как оно будет истолковано.

Поэтому, кряхтя и постанывая, жрец выбрался из купели.

День все еще длился.

Жизнь тоже.

Глава 2

Магистр Годрус обвел взглядом студиязусов и нахмурился. Всего-то пятеро.

Мало.

До отращения мало. И из этих пятерых предстоит выбрать помощника, а то и двух. Магистр не был уверен, сможет ли позволить себе второго. Да и есть ли в том надобность? С одной стороны, рабы и големы прекрасно управлялись с уборкой и подготовкой материала, с другой – для более тонких манипуляций требовался помощник.

– Добрый день, – он слегка склонил голову, приветствуя будущих коллег. – Рад видеть вас.

Бледноватая девица с гладко зачесанными волосами. Пара близнецов, чьи силовые потоки перепутались столь сильно, что разделить их давно уж не представлялось возможным. Им бы как раз к боевикам отправиться. Идеальная двойка.

Востроносый юноша той невыразительной внешности, что выдавала в нем жителя Крысиных кварталов, которому несказанно повезло родиться с даром.

К этому стоит присмотреться.

И полной противоположностью ему светловолосый красавец, рядом с которым магистр, стыдно признаться, чувствовал некоторую неловкость. Благословенная кровь Древних, не иначе, давала о себе знать. И сила. Конечно, сила. Её магистр тоже чувствовал, кожей, всем своим нутром. И боролся с желанием согнуть спину перед отпрыском Высокой семьи.

Ничего.

Он не хуже.

Он, может, и не был рожден в одной из двенадцати башен, но и что с того? Всего, что имеет, магистр добился собственным умом и немалым усердием.

– Что ж... сегодня вам выпала возможность ознакомиться с моими... – он запнулся, поймав слегка насмешливый взгляд светловолосого юноши. – Разработками. Как вы, верно, знаете, я занимаюсь...

– Големостроением, – перебил парень и посмотрел сверху вниз.

Принесла его нелегкая.

Всем известно, что третий сын Старшего Магистра Ульграха, как и первые два, продолжит дело отца. И место для него в лаборатории готово. И, спрашивается, чего ему нужно?

– Отчасти. Но далеко не все мои создания являются в полной мере големами. Хотя и отрасль големостроения, несомненно, важна. Экспорт големов и их погонщиков занимает существенное место в статье доходов города. А спрос на них стабильно высок.

Магистр потер руки.

– Однако хочу заметить, что во многом благодаря моим наработкам эта отрасль может претерпеть существенные изменения. И рано или поздно, но на смену големам придут химероиды.

– Кто? – девица вытянула шею и покосилась на Ульграха-младшего. – П-простите.

Магистр простил.

– Химероиды. Я позволил себе ввести этот термин для обозначения данного класса существ. Главное их отличие от големов в том, что за основу берется изначально живой материал, который таковым и остается в процессе преобразования. Но лучше показать. Идемте, господа... и дама.

Девица слегка запунцовела.

Квеляя.

И силы едва-едва хватило, чтобы завершить обучение. С другой стороны, сам магистр силой не отличался. Куда ему до благословенных? Нет, сила не главное.

И он продолжил разглядывать девицу исподтишка.

– В вивариум я вас вести не стану, сомневаюсь, что вы найдете для себя что-то новое, – магистр распахнул дверь и зажмурился. В лицо пахнуло смесью запахов: прелой соломы, еды, навоза и всего-то, что окружает живые существа.

– А кто там? – Ульграх-младший подошел к парапету. Галерея проходила над вивариумом. Вынесенная на тонких опорах, укрепленная железными жгутами, она все одно казалась обманчиво хрупкой.

– Существа.

– Какие?

– Пара горных львов, пардус, сейварский саблезуб, – принялся перечислять магистр. – Копытные содержатся в другом месте, равно как и птицы.

– Вы и птиц используете?

– Не так давно я сотворил пару гонцов, скорость полета которых превышает таковую стандартных големов.

– И?

Наглый мальчишка. Хотя, кажется, магистр понял, зачем он здесь. Совет желает убедиться, что магистр соблюдает Кодекс? И откуда вдруг возникли сомнения? Кто-то донес? Кто?

– Кроме того, он способен сам добывать пропитание, отчасти понимает человеческую речь, не нуждается в постоянном погонщике, а главное, потребляет в десять раз меньше энергии.

– А это возможно? – близнецы подошли к краю галереи. Они и двигались-то синхронно, что завораживало.

Как эту пару упустил магистр Леонус?

– Энергия нужна лишь для поддержания стабилизирующего контура, а остальное обеспечивает само тело. В этом состоит главное преимущество химероидов. Идемте.

Магистр провел группу по мосту, стараясь ступать спокойно и решительно. Давно уже пора было перестроить башню, но он все откладывал. Да и привык уже. А теперь, под взглядом белобрысого Ульграха, вернулась вдруг прежняя робость.

– Прошу. Это лаборатория первичной обработки. Обратите внимание, образец уже подготовлен, – Магистр указал на темнокожего ануба, растянутого цепями. – И отличнейший экземпляр.

– Он... жив? – робко поинтересовалась девица, облизав бледные губы. И в глазах её появился характерный блеск.

– Вполне. И если вас волнует законность, то данная особь приобретена на Лазарском рынке, о чем имеются соответствующие бумаги.

Студиозусы кивнули.

– И... что вы собираетесь делать? – все так же, слегка заикаясь, поинтересовалась девица.

– Для начала необходимо провести полное сканирование на предмет наличия дефектов. Кто хочет?

– Позвольте? – вылез вперед мальчишка с крысиным личиком.

– Прошу вас, – магистр отступил. – Конечно, при покупке проводились исследования, но в данном случае лучше повторить.

Парень хмурился.

Сопел.

По лбу его поползли капельки пота, то ли от волнения, то ли от недостатка силы. Но главное, движения его были скупы и точны. Неплохо.

– Есть... следы переломов. Заживших. На третьем и седьмом ребрах. Повреждена носовая перегородка. Несколько старых шрамов, один – довольно свежий, но рубцовая ткань уже образовалась. И...

Он слегка покраснел.

– Дурная болезнь.

– Великолепно, – Магистр позволил себе хлопнуть в ладоши. А мальчишка зарделся, видать, нечасто его хвалили. Ничего. Видно, что толковый паренек. И понимать будет, что в этой жизни даже магам непросто приходится. – На будущее. Дурные болезни – бич рабских рынков. И советую проверять даже девственников, сколь бы невинными и прекрасными они ни казались. Увы, рынки опасны.

– И что вы собираетесь делать?

– Ничего. Эти мелочи не помешают преображению. Обратите внимание. Объект погружен в сон. Это сделано для того, чтобы избежать ненужного сопротивления, которое он, несомненно, попытается оказать, если останется в сознании. На первом этапе важно подготовить тело к изменениям. Лери, вы не откажетесь ассистировать?

Девушка кивнула.

– Я бы тоже хотел! – нагло влез Ульграх.

– Что ж, тогда и вас прошу. Сперва установим систему дополнительного кровообращения. Мы заменим его кровь питательным раствором с малой долей консервирующего.

– Как у големов?

– Почти. В данном составе есть пара особых ингредиентов, которые позволят сохранить жизнь. Мы будем добавлять раствор постепенно, смешивая его с собственной кровью объекта и день ото дня увеличивая концентрацию.

Действовал Ульграх, к слову, весьма умело. Еще и девушке, несколько растерявшейся, помог.

– Процесс достаточно длительный. Суть его – стабилизация всего организма.

По патрубкам побежали алые нити крови.

Отлично.

Заказ был небольшим, но весьма важным. И мастер потер руки. Когда-нибудь они оценят. Они все поймут, что его разработки – это действительно важно.

И нужно.

– Здесь у нас объект в следующей стадии цикла.

Тело, пролежавшее на столе не одну неделю, гляделось довольно-таки отвратительно. Мастер мысленно кивнул, отметив, что близнецы отступили от стола, тогда как Ульграх подошел вплотную. И девушка с ним, правда, ступала бочком и морщилась.

– Органы пропитываются консервирующим раствором, что в значительной степени усиливает их регенеративные способности, да и в целом позволяет проводить разного рода манипуляции.

– Что тут будет? – спросил Ульграх, но хотя бы пальцем тыкать не стал.

– О... это – чудесный образец будущего, скажем так, охранника, – Мастер подошел к столу. – Наиболее популярная позиция. Обратите внимание, я позволил себе несколько изменить костную структуру, расширив грудную клетку. Кто скажет, для чего?

Он обвел позеленевших студиозусов взглядом.

Слабо.

Весьма слабо. Близнецы не скрывают отвращения, да и крысеныш тоже слегка позеленел.

– Чтобы увеличить объем легких и сердца? – робко предположила девушка, и заработала одобрителный кивок. Показалось, что и Ульграх знал ответ, но почему-то промолчал.

– Именно. Нельзя забывать о том, что все системы организма, даже измененного, должны работать в полной гармонии. Мы собираемся нарастить мышечную массу, но её необходимо будет питать, следовательно, тело должно получать больше кислорода.

– Вы просто доставляете мышцы?

– Не доставляем. Конечно, можно было бы убрать собственные, заменив искусственными, однако в этом случае возникают вопросы с иннервацией. Впрочем, это, как и многое иное, мы обсудим потом. Если вы, конечно, захотите остаться, – мастер обвел руками лабораторию.

Да, возможно, она невелика.

В зале всего-то дюжина столов, хотя заказов больше, много больше, чем он способен взять. Собственно, именно поэтому и встала необходимость в помощнике. Но им, увлеченным – а даже близнецы оценили проект на завершающей стадии изменений, – он скажет иное.

Как и Совету.

Совету особенно. Не хватало, чтобы эти высокородные идиоты, упивающиеся собственной властью, влезли бы в его разработки.

Нет-нет.

Мастер даже головой покачал. Пусть лучше и дальше считают его обычным создателем големов.

Он завершил экскурсию в галерее, что выходила на внутренний двор башни. Некогда служивший частью зверинца, ныне он преобразился. Правда, запахи сохранились, но со временем выветрятся и они.

В лицо ударил порыв ветра, и мастер поморщился.

Он не любил покидать лабораторию.

– Сегодня мы имеем удивительную возможность оценить почти готовый продукт. Данная особь была изготовлена по особому заказу, впрочем, как и остальные, – он потер внезапно вспотевшие ладони.

Внизу, в небольшом дворике, обнесенном прочной решеткой, металось существо. Оно было, несомненно, человекообразно, однако двигалось настолько быстро, что, казалось, просто-напросто исчезало в одном месте, появляясь в другом.

– Шустрый, – сказали близнецы хором и наклонились, перевесились, желая разглядеть существо поближе. Что ж, отчего бы и нет?

Мастер поднес к губам костяной свисток.

Ульграх дернулся. Услышал? Стало быть, правы те, кто утверждает, что века селекции носителей силы сделали их отличными от обыкновенных людей. Подумалось, что было бы весьма интересно взглянуть, сколь далеко простираются отличия. Но... мастер улыбнулся.

Даже мысли подобные опасны.

А вот существо, услышав звук, замерло.

Пусть и нехотя.

– Он... он ведь выглядит... как... человек? – заикаясь, произнесла девица и посмотрела на Ульграха.

– Именно. И это было одним из главных условий сделки. Изменения не должны бросаться в глаза. Но присмотритесь.

Образец вскинул голову и оскалился. И показалось вдруг, что он видит. Несмотря на туманную завесу, на полог защитного заклинания, окутавшего галерею, все одно видит. Верхняя губа дернулась.

Из глотки объекта вырвалось глухое рычание.

– Он... он... нас...

– Он довольно агрессивен, – поспешил успокоить Мастер. – Это нормально. Мы стараемся в полной мере сохранить разум, а преобразования связаны с болью. Вследствие и возникает подобная неприязнь. Однако опасаться совершенно нечего. Позвольте?

Галерея заканчивалась узкой лесенкой, что спускалась во дворик. Слишком уж узкой и неудобной. Но мастер спустился. Он старался двигаться спокойно, хотя взгляд образца, единой зацепившись, не отпускал мастера ни на мгновение.

И в желтоватых выпуклых глазах читался приговор.

Вот уж нет.

– Один из важнейших этапов обработки – установка контроля за разумом. На первом этапе – жесткая, – Мастер говорил громко, надеясь, что голос его звучит в достаточной мере уверенно. – В последующем ментальные барьеры сменяются куда более сложной привязкой, которая и гарантирует абсолютную преданность. Больше чем преданность. Вы ведь слышали о заклятье «Верного рыцаря»?

– Оно ведь запрещено!

– По отношению к людям, несомненно. Но данный образец, как и все иные, не является человеком. А потому не подпадает под ограничение. Это заклятье свяжет его с хозяином. И не просто свяжет. Оно пробудит в душе истинную любовь. И по завершении ритуала все его мысли, все его желания, все его надежды будут связаны с одним-единственным человеком.

С близкого расстояния была заметна некоторая бледность кожных покровов. Испарина, покрывавшая шею и грудь существа. Вздвигшиеся мышцы.

И ненависть.

– Но базовые установки тоже сохраняются, – Мастер протянул руку. Оскал стал больше, а рычание – глуше. – Как видите, сколь бы он ни ненавидел меня, он не способен даже коснуться, не говоря уже о большем.

Кожа оказалась теплой.

И мягкой.

Мастер руку убрал. И, повернувшись к существу спиной, направился к лестнице. Поднимался он медленно, ибо спешка и одышка солидности никому не добавляли.

– Кто его заказал? – поинтересовался Ульграх.

– Простите, – Мастер развел руками, и ощущение взгляда, исполненного лютой ненависти, исчезло. – Но кому, как не вам, знать основу основ торговли. Имя заказчика свято.

Щека Ульграха слегка дернулась. Но щенок улыбнулся.

– Конечно, – сказал он. – Простите. Я что-то... слишком уж увлекся. Но было безумно интересно, мастер! Невероятно интересно... мы можем с вами поговорить?

Вот уж не было печали.

Глава 3

Миха смотрел в спину человеку, которого он когда-нибудь убьет, и думал, что мог бы убить прямо сейчас. Это было бы легко.

Миха уже научился убивать. И даже почти не испытывал угрызений совести. Хотя, конечно, пока ему приходилось убивать существ, лишь отдаленно напоминавших людей, поэтому совесть все-таки иногда просыпалась. Существа ведь были не виноваты, что Миху таким сделали.

А человек был.

Именно этот.

Невысокий. Полноватый. Какой-то неряшливый. От него остро пахло потом, и запах этот перебивал тяжелую вонь ароматных масел, которые человек использовал, чтобы заглушить смрад собственного тела. Он двигался медленно, неуверенно, будто во сне. То и дело оставался. А порой на одутловатом лице его появлялось выражение крайней растерянности. Будто он вдруг разом забывал, кто он и что делает.

Но Михе маске не верил.

Миха уже успел убедиться, что человек этот – редкостный ублюдок. Но с хорошей памятью и тонкими мягкими пальцами, способными причинить чудовищную боль.

Боль сопровождала Миху последние месяцы. После того, как он очнулся, ему больше не позволено было ускользнуть в беспамятство. И человек, который вновь и вновь появлялся возле стола, терпеливо объяснял, что боль – это часть процесса.

Надо потерпеть.

Миха и терпел.

Что ему, надежно зафиксированному на столе, еще оставалось?

Это уже потом, когда мастер, скотина этакая, решил, что процесс завершен и цепи снять велел, Михе и со стола сползти позволили. У него только на то, чтобы сползти, и хватило сил.

Миха опустился на корточки и счастливо зажмурился, представляя, как вырвет уроду глотку.

Когда-нибудь.

Позже.

Когда поймет, как выбраться из той задницы, в которой он оказался. А он поймет. Обязательно. Он ведь не дурак. Он – Михе.

Миха произнес свое имя одними губами и тут же, опомнившись, воровато огляделся. Но нет. Арена была пуста. Но обманываться не стоило: за ним присматривают. Кто? Михе понятия не имел. Просто шкурой ощущал чей-то донельзя внимательный взгляд. Было время, он даже пытался отыскать этого вот, любопытного, но вынужден был отступить.

На время.

Времени оставалось немного. Это Михе тоже шкурой чувствовал.

Протяжно заскрипели ворота, и во дворик, громко ухая и отфыркиваясь, вывалился очередной зверь. Михе застыл. Дрогнули ноздри, втягивая характерный тухловатый запах. Шерсть. Старое мясо. Рыбная вонь. Зверь был крупным.

И опасным. Вот затихло фырканье, и прочие звуки исчезли. Кем бы ни был тот, кого выпустили, он ступал почти бесшумно. А стало быть, Михе заметил.

Плохо.

Убивать не хотелось. Михе коснулся пальцами земли. Твердая. И земля только сверху. Под ней – камень. И стены из камня. На воротах решетки. Прочные. И еще чем-то защищены, потому как, когда Михе попробовал их выломать, его шибануло.

Магистр еще смеялся.

А потом сказал, что не родился еще зверь, способный сбежать из вивария. Миха магистру поверил. Может, он и не зверь, но из вивария сбежать не станет. Подождет иного случая.

Разворачивался он осторожно, плавно, выгибая такое послушное тело.

В первые дни Миха учился ползать на карачках.

Потом ходить.

Бегать.

Прыгать.

А потом Магистру надоело, и он несколько ускорил процесс обучения. Тот, самый первый, зверь едва не сожрал Миху, хотя теперь было ясно, что зверь не отличался ни размерами, ни свирепостью.

Нынешний был огромен, куда больше прочих, с кем Михе доводилось встречаться. Поросшее бурой клочковатой шерстью тело отличало непомерно развитая грудина, вес которой с трудом удерживали массивные лапы. А вот зад зверя казался непропорционально узким. На короткой шее сидела плоская башка.

Зверь понял, что добыча – а Миху он иначе и не воспринимал – его заметила и, остановившись, присел на зад. Он неловко вскинулся и зарычал. Глухой этот звук пробирал до костей.

– Вот чего орешь? – пробормотал Миха, языком трогая только-только отросший зуб.

И ведь не зверь выбил – голем.

Быстрый оказался, с-скотина этакая. Еще и с палкой. Правда, Магистр обещал, что скоро палка сменится настоящим оружием, и Миха ему верил.

Рык стал ниже. А зверь тяжело бухнулся на передние лапы.

Несуразный он все-таки.

Но челюсти здоровые. И когти внушительные. Вот только в природе такие когти нужны совсем не для того, чтобы соперников драть. Ими камни переворачивают. Или землю роют. Или еще для какого мирного занятия используют.

Откуда Миха это знал?

Он не знал.

– Я не хочу тебя убивать, – сказал он зверю, заглянув в желтые глубоко посаженные глаза. И принялся. Да, запах рыбы был терпким, тяжелым. Стало быть, ею-то зверь в основном и питался.

Правда, от мяса он тоже не откажется.

При случае.

Миха подавил вдох. И позволил зверю подойти ближе. Бегать по арене, развлекая Магистра и гостей его, желания не было. Он бы и зверя не тронул. Но... коротко рывкнув, тот вдруг сорвался с места.

Быстрый.

И ловкий.

Вот только Миха быстрее. Он взлетел, чтобы оказаться на широком загравке. И когти привычно пробили толстую шкуру.

А Миха в очередной раз удивился, что у него есть когти.

Но это хорошо.

Когтями горло рвать легче. Миха, конечно, и так бы справился. Но когтями оно как-то сподручнее, что ли.

Зверь вот тоже оценил. Завыл, затряс шеей, норовя Миху скинуть. После и вовсе лапой достать пытался.

Хрен тебе.

Миха подтянулся повыше.

Вот и нужное место. Шея оказалась короткой, и пусть защищена была она коркой свалывшегося меха, да разве ж это защита? Миха освободил одну руку и сжал коленями шею твари. Та заверещала совсем уж тонко, жалобно.

– Извини, – сказал Миха и ударил туда, где шея сочленялась с черепом.

Первые два позвонка – самые хрупкие. Миха это знал. Правда, вновь же, понятия не имел откуда. С другой стороны, знание не обмануло, руки тоже.

Удар был точным.

И что-то внутри зверя хрустнуло. Он покачнулся, а потом медленно, словно нехотя, стал заваливаться на бок. Миха успел соскочить и даже отбежал, чтобы в конец не извальяться: бока зверя покрывал слой желтоватой слизи, которая защищала мех.

Дернулись задние лапы.

И зверь затих.

Совесть вновь очнулась, нашептывая, что животное-то не виновато. Что убивать надо людей. Особенно тех, кто Миху изуродовал. И Миха с совестью согласился.

Убьет.

Обязательно.

Босые ступни Верховного коснулись шелковой глади ковра. И он привычно упал ниц, вытянув руки вперед. В спину стрельнуло болью, заныли плечи, подсказывая, что нынешняя ночь также будет бессонной.

Слаб человек.

И духом, и телом. Особенно телом.

– Встань, мой друг, – прозвучал мягкий голос.

Не сразу прозвучал. И эта пауза, почти неощутимая, больно царапнула сердце. Неужели за те две седмицы, которые Верховный провел в подземельях, в молитве и аскезе, что-то да произошло? Слухи? Сплетни? Или ему просто показалось?

Темнокожие рабы помогли распрямиться.

Подняли.

– Присядь. Раздели со мной трапезу, – Император поднял вялую руку, указывая куда-то вглубь залы. И сердце замерло. А что, если гнев его был куда более глубок? Что, если поднесут за столом чашу с ядом? Или, паче того, ляжет змеею на шею удавка?

Или...

Жреца уложили на низкое вытянутое ложе, покрытое шкурой горного льва. А ложе поднесли к столу.

– Я давно желал видеть тебя, – в голосе Императора звучала тень упрека. – Но мне сказали, что ты там, куда нельзя ступить человеку непосвященному.

– Прости, мой повелитель, – жрец прижал обе руки к груди. – Я исполнял обычай.

– Молился.

– Да.

Поднесли глубокую чашу воды, на поверхности которой плавали желтые лепестки. От воды тонко пахло ароматными маслами, но запах этот лишь усилил то странное беспокойство, от которого Верховный не мог отделаться с самого утра.

– Что ж, я рад, – Император первым опустил руки. – Ибо знаю, что никто так не усерден, не искренен в молитве, как ты, друг мой.

– Благодарю, – теплая вода обняла пальцы.

А потом их ловко, подбирая каждую каплю, отерли мягчайшими полотенцами.

– И знаю, что ты верен мне. Как был верен и моему отцу.

Нехороший разговор.

Опасный.

И сердце вновь сжимается. А рабы вносят огромное блюдо мяса, запеченного с ароматными травами да кореньями. Император первым выбирает кусок, чтобы протянуть его Верховному.

Высочайшая честь.

И опасность не меньшая. Сколько отошли, приняв угощение из рук Императора?

– Именно потому я и ждал твоего возвращения. Всякий раз, когда нуждался я в совете, я получал его. И советовал ты не ради выгоды своей либо храмов, но говорил, что думал.

С мяса на пальцы потек липкий жир, и Верховный едва успел подставить под руку кусок сухой лепешки.

– В том мой долг.

– Не только твой. Но многие помнят не о долге, но о выгоде, – Император покачал головой. – Если бы ты знал, как они меня утомили.

Мясо было сочным и сладким.

– Окружили стаей шакалов. И воют, и ноют, и спешат подсунуть своих женщин, которых вдруг оказалось множество. И где они были, когда я искал свиту для моей Милинтики? – теперь голос дрожал от гнева. – Тех, кто будет служить ей в загробном мире верой и правдой? Кто сопровождает по радужной лестнице? Скрасит время ожидания? Позаботится? Почему тогда они молчали?

Император откинулся на подушки, и кусок мяса, к которому он не прикоснулся, выпал, чтобы быть подобранным собакой. Другой пес нырнул под руку человеку, жадно облизав смуглые сухие пальцы его.

– Они всего лишь люди. И сердца их полны сомнений, – произнес Верховный, надеясь, что выбрал правильные слова. – И поверь, мой повелитель, им воздастся.

– Не сомневаюсь, – Император потрепал пса.

И улыбнулся.

Подумалось, что воздаяние куда как ближе, чем думают многие. Верховный покачал головой. Обычай, конечно, требовал уважения. Но и людей понять можно.

– Но я не о том с тобой желал поговорить. Ешь, – это прозвучало приказом, и Верховный поспешно проглотил недожеванный кусок, чтобы принять шарик из чечевицы, щедро политый ароматным жиром. – Мне больно смотреть на твою худобу. Ты слишком небрежно относишься к вместилищу своей души.

Жрец отвел взгляд.

– Список мне предоставили. И тех, кто прислал служить моей жене истинную свою кровь, и тех, кто решил, будто может отделаться рабыней, которую приняли в род для того, чтобы честь оказать, – щека Императора дернулась. – Пусть это не заботит тебя.

Жир обволакивал небо.

Он был сладким. И теплым. И заставлял вспоминать о временах, когда Верховный был просто жрецом, которому далеко не всегда перепадала роскошь трапезы, не говоря уже о трапезе сытной.

– Я же желал побеседовать об ином. Что ты думаешь о магах?

Вопрос был, мягко говоря, неожиданным.

– Презренные создания, полагающие себя равными богам, – сказал Верховный.

– Все так же не любишь.

Верховный склонил голову, признавая правоту Господина.

– Никто их не любит. Но они нужны, – Император бросил кусок собакам, которые устроили возню. – Год от года их сила растет. И быть может, они вовсе не прокляты?

Верховный промолчал.

– Будь существование их противно воле Богов, неужели стали бы терпеть они и магов, и город их? Неужели не поразили бы презренных?

– Порой боги дают людям право выбирать свой путь.
– Именно, мой друг. Именно. И когда-то наши предки выбрали, но не может случиться того, что путь этот ошибочен?

Император замолчал, позволяя обдумать слова свои.

А беспокойство внутри усилилось.

– Они не сумели спасти Милинтику, мой господин. Хотя давали слово.

– Не совсем верно, – Император покачал головой. – Они обещали избавить её от боли, и избавили. А что до спасения, то я виноват.

– В чем?

– В том, что слишком долго медлил. Сомневался. Сумею я переступить через бывшие обиды и позвать их раньше, душа моя была бы жива.

Руки его сжались.

– Её отравил не яд, но проклятье. Древнее. Сильное. Вошедшее в кровь и плоть. Сроднившиеся с нею. Так они и сказали.

Нехороший разговор.

Опасный.

– А не может ли случиться такому, что они сами...

– Может, мой друг. В этом и беда. Они признались, что проклятье это было создано кем-то из Иштцу. И продано. Как проданы многие иные товары.

Верховный выругался.

– Да, мне это тоже странно. Обладая такой силой, такими возможностями, ныне маги уподобились обыкновенным торговцам, что ищут лишь золото. Золота у нас хватает.

Не в этом ли беда?

Но он промолчал. Впрочем, молчание это не обмануло великого Имератора. Он прикрыл глаза, наблюдая за Верховным сквозь полуопущенные ресницы.

– Маги... маги, маги, маги... их было так мало, но и малости хватило, чтобы остановить войска моего прапрадеда. Он ведь так и остался под стенами Проклятого города. К слову, мне обещали вернуть его останки.

– А они есть?

– Есть. Они не стали бы лгать в подобной... мелочи, – Император криво усмехнулся. – Мой прадед был казнен, а его тело – заключено в саркофаг из стекла, запечатано заклятьем, что останавливает тление. Мне сказали, что выглядит он так же, как и в тот миг, когда смерть настигла его.

Стало не по себе.

– И с чего такая любезность?

– Это не любезность. Ты знаешь, что тепанеки вновь волнуются? И среди акольтуа ходят недобрые речи?

– Когда было иначе?

– Никогда, – согласился Император. – Восстание вспыхнет, и кровь разумных оросит землю, дабы вернуть в неё взятую жизнь. Так было от сотворения Нового мира. Так продолжится до падения его. Вот только не отпускает меня мысль, что падение куда ближе, нежели мы думаем.

– На солнце нет знаков грядущей беды.

– Знаю. Знаков нет. Ни во внутренностях белой овцы, ни в путях птиц, ни даже в крови жертвенных рабов. Но я, друг мой, чувствую приближение конца.

Император сел.

И встал.

Верховный поспешно поднялся и застыл, с трудом согнув такую непослушную спину.

– Мне твердят, что империя, как и прежде, велика. Что войска мои бессчетны, а воины храбры. Что благословение богов с нами, но... за два десятка лет мы потеряли пять городов на западе. Пять!

Верховный молчал.

– И не акольтуа отняли их, но варвары, объявившие себя свободными. Эти города также захотели свободы и ушли. А чтобы никто не остановил их, они обратились к магам. И вот уже горы поднялись, закрыв путь к мятежникам, а в узких ущельях поселились големы.

– Дай знак, и твои войска сомнут любых големов.

– Сомнут. Безусловно. Но что будет ценой такой победы? Магические твари сильны, неутомимы, почти неуязвимы. И мне донесли, что две дюжины их появились в царстве Тах-хида. А они, как ты знаешь, давно уж поглядывают на восточные наши границы.

На те самые копи, которые и полнят торговые жилы империи чистым золотом.

– Как и северные соседи. Мне донесли, что баронства желают объединиться.

– Вряд ли это возможно, – Верховный позволил себе не согласиться. – Варвары слишком самолюбивы. И жадны. Никто из них не позволит соседу возвыситься хотя бы на волос.

– А вдруг? Вдруг появится кто-то, кто сумеет сплотить их?

– Тогда боги найдут способ справиться с этим кем-то.

– Стоит ли надеяться лишь на милость богов?

– На что нам надеяться, кроме этой милости? – Верховный облизал разом пересохшие губы.

Он понял, что решение давно уже принято.

И оно Верховному не понравится. Что прекрасно известно Императору. Страх сдавил горло, перекрывая дыхание. Нет. Надо успокоиться.

– На собственные силы, – Император остановился за спиной. – Посмотри на меня.

Верховный распрямился и с трудом – спина болела все сильнее – обернулся.

– Я не хочу стать последним из детей Белой цапли. Молчи. Слова ничего не значат. Я только и слышал, что о славе и своем могуществе. Я верил в это могущество. И продолжаю верить, хотя правда в том, что вся наша империя давно уже подобна дряхлеющему льву. Но в наших с тобой силой вдохнуть в неё жизнь.

– Связавшись с магами? – не удержался Верховный. – Поверив им? Что они обещали?

– Големов. И погонщиков для големов. Много големов. Много погонщиков. Так много, что никто-то больше, ни на севере, ни на востоке, ни на западе не усомнится в нашей силе. И склонят головы мятежники. Забудутся опасные речи.

Он говорил быстро и яростно, будто спорил, хотя Верховный ни словом, ни жестом, ни даже взглядом не позволил себе высказаться против.

– А потом, возможно, мы, уподобившись нашим предкам в величии их, шагнем дальше, расширим границы империи...

– Что они просят взамен? Золото?

– Отнюдь, друг мой. Золота в городе магов хватает. Им нужно иное.

– Что?!

Император ответил не сразу, и в промедлении его почудилось, будто бы и сам он, уже все решивший, все же сомневается в своем решении.

– Сила смерти, – произнес он тихо. – Та сила, что уходит в мир. Каждый день на алтарях умирают люди. Мы отдаем сердца Солнцу, как заповедано предками. Мы поим кровью землю. Мы съедаем тела, ибо таков обычай.

– Не самый лучший из обычаев, – сказал Верховный шепотом.

– Вот видишь, далеко не все обычаи так уж и хороши. Но речь не о том. Маги просят лишь позволить установить на жертвенных пирамидах уловители. Я видел их. Это просто дра-

гоценные камни в шкатулках. Они будут собирать жизненную силу жертв, питая камни. А маги после станут использовать эту силу.

Верховный даже не нашелся, что сказать.

– Я читал священные книги. Мы вместе читали их. И нигде-то ни словом не сказано, что эта сила, сила уходящих жизней, нужна. Боги требуют жертв? Никто не покушается на их право. Более того, маги согласны помогать.

– С жертвоприношениями?

– С жертвами. Ты ведь сам знаешь, добывать рабов становится все сложнее. А у магов есть возможности.

– Почему бы им самим не пользоваться этими возможностями?

– Честно говоря, я не понял. Да и они не слишком желают говорить на сей счет. Полагаю, дело именно в том, кто и как приносит жертву. Но меня уверили, будто высвобождаемая энергия просто рассеивается. А стало быть, она никому-то не нужна!

– С их слов.

– Ты им не веришь?

– Трудно верить ядовитой змее.

На шее дрожала кровяная жила.

– Я знаю. Но и от змей бывает польза. Сколько болезней способен излечить яд её.

– Их нельзя пускать в храмы.

– Никто и не собирается. Они и сами не полезут.

В это Верховный не поверил. Маги и вправду подобны змеям, которые так и норовят заползти в любую, мало-мальски пригодную для жизни щель. Правда, милостью богов от змей всяко польза имеется. От магов же вред один.

– Тебе надо лишь выбрать учеников, которым объяснят, как обращаться со шкатулками.

Подвергнуть юные умы искушению? Вера и без того ослабла. Все чаще слышен недовольный ропот. И даже здесь, в храме благословенного города, находятся те, кто позволяет себе усомниться в мудрости предков.

И в силе Богов.

– Для начала можно попробовать, скажем, здесь. Дабы ты лично мог убедиться в том, что вмешательство это не вызовет гнева Богов и не навредит храму.

Верховный стиснул зубы.

Император же усмехнулся.

– Я знаю тебя, друг мой. Другому кому я бы просто повелел, но ты... ты болезненно честен. И не солжешь даже тогда, когда ложь будет полезна тебе. И поэтому я говорю с тобой. И поэтому объясняю, ибо мне важно, чтобы ты понял, сколь необходимы они нам. А мы им. Из этого может получиться что-то да интересное.

Император опустился на ложе.

– Тебе принесут шкатулку. Поставь её на расстоянии не более двух десятков шагов от алтаря. Лучше поближе, но тут уж сам решай. Пошли её нам после утренней молитвы.

– Да будет так.

– Будет, – сказал Император, потрепав по загривку собаку. – Несомненно. И еще. Ты нужен нам. А потому помимо шкатулки с камнями тебе поднесут особую мазь. Она избавит твои суставы от болей.

– Я не нуждаюсь в их подачках.

– Это дар. Негоже отвергать дары. Если пожелаешь, испытай её на ком-нибудь. И увидишь, что змеи – до крайности полезные создания.

Глава 4

Ульграх-младший устроился в низком кресле, обитом красным бархатом. Он закинул ногу за ногу, взял в руки бокал, сквозь который теперь разглядывал Мастера. И под взглядом этим тому было до крайности неудобно. Собственный кабинет, создаваемый с немалой любовью, показался вдруг чрезмерно помпезным.

Оглушающе огромным.

Пустым.

– Я бы хотел, – Ульграх первым начал разговор, что было в корне неправильно. – Учиться у вас, Мастер.

– У... меня? – услышанное не столько поразило, сколько испугало.

Что ему на самом деле надо?

Учиться?

Мастер в это не поверил. Чтобы Ульграх и пошел к «новоделу»? Такого не было отродясь. И не будет. А значит, есть у этого наглеца план.

Или не у него?

– Понимаю, что это кажется не совсем правильным. Противоречащим традициям. Поверьте, сначала и отец не проявил должного понимания, когда я сказал ему о том, чего хочу. Но после признал за мной право выбирать свой путь.

Ульграх наклонил бокал, позволив темному вину – отнюдь не лучшему, но вполне пристойному – добраться до самого края.

– Я лишь третий сын. Мои братья давно взяли себе жен. Жены одарили их наследниками. А потому род наш можно считать крепким.

– Рад слышать это, – сказал Мастер без особой радости.

– Несомненно. Однако, что касается меня, то я лишний. Семейное дело отойдет старшему брату. Никсар станет ему верным помощником. Он отличный мастер. Выдающийся.

Ульграх притворно вздохнул.

– Я никогда не стану ни хорошим управленцем, ни отличным артефактором. Просто не лежит душа.

– А к големам лежит?

– Тоже не особо. К тем, которые обыкновенны. А вот в работе с живой плотью вам нет равных. К несчастью.

– Почему?

– Вы ступили на тонкий лед, мастер. Так говорил мой наставник. Он был родом из севера и рассказывал странные вещи о воде. Позже мы получили лед в лаборатории. Он и вправду хрупкий. Кое-кто в Совете считает, что ваша деятельность противозаконна.

– Я блюду закон, – проворчал Мастер, чувствуя, как холодеют руки. – Я не работаю со свободными людьми.

– Но работаете с людьми. И не только. В целом вы, полагаю, используете разумных существ. И это нарушает Кодекс Ахара. Если помните, то в первой его редакции магам запрещалось каким-либо образом изменять разумных.

– Разве? Разумных? Или свободных? Я тоже читал Кодекс.

Ульграх лизнул вино.

Именно лизнул. Тонкий бледный язык его коснулся темной жижи, чтобы убраться в рот.

– Не сам. Или вы знаете язык Древних? Сомневаюсь. Никто его не знает в той мере, чтобы сказать с уверенностью, будто понимает все написанное. У вас, вероятно, имеется принятый Советом Список. А он являет собой перевод. И не просто перевод, но адаптированный, изме-

ненный под наши нужды. Если же обратиться к первым толкованиям, то в половине случаев данный пункт указывает именно на «разумных». И это логично.

Ульграх отставил бокал.

– В Совете давно уже назревает недовольство. Маги превратились в тех, кто не ищет истины, не пытается раскрыть секреты мироздания, не улучшает мир, как сие было заповедано, но лишь производит товары. Наши мастерские клепают артефакты и големов, а взамен получают золото. Но... – мальчишка погладил подлокотник. – События последних лет заставляют думать, что дальше так продолжаться не может. Вряд ли вы заметили, но силы стало меньше. Источник уходит.

Мастер заставил себя сидеть, хотя от слов этих сердце в груди бешено заколотилось.

Источник?

Неиссякаемый, вечный источник силы, уходит?

– Процесс небыстрый, скорее уж речь идет в целом о тенденции. Отец сказал, что за прошедшие две сотни лет Источник утратил четверть своей исходной силы. А чем дальше, тем сильнее будет убывание.

– И как это... связано.

Услышанное не умещалось в голове.

Никак.

Их ведь учили, что Источник существовал столько, сколько и сам мир.

– Прямо. Речь идет о глобальных флуктуациях энергии. Отец полагает, что причина обмеления – слишком интенсивное использование силы Источника. Но в то же время он уверен, что наш Источник – не единственный.

Мастер потер шею, которая вновь зачесалась. Сильно так. Напоминая о былых почти забывшихся временах, когда он и не думал, что однажды станет Мастером.

Не выдержав зуда, Мастер сунул руку под воротник и поскреб раскаленную кожу.

– Вы ведь слышали о башне Звездочета?

Ульграх вежливо отвернулся.

– Слышал, – коротко ответил Мастер. – Правда, полагал её вымыслом.

– Отнюдь. Она существовала. Последний осколок искусства Древних. Удивительный в своей сложности механизм, повторить который не вышло, хотя многие пытались. Даже не повторить, но понять, чем эта башня являлась. Что представляла собой.

Вот только вряд ли у них получилось. Иначе не было бы разговора. Иначе не стал бы нужен один, пусть и не совсем уж неизвестный, Мастер великому клану Ульграхов. А он нужен.

Осталось понять, для чего.

– Так уж вышло, что Башня погибла. А содержимое её нашло новых хозяев.

Не тех ли, чьими усилиями погибла башня?

– Отец сказал, что в Башне надеялись отыскать сокровища, но обнаружили лишь пластины из белого металла. Что эти пластины заполняли все пространство башни.

Мастер снова поскреб шею.

Знают?

Не могут не знать. Ульграх смотрит этак, с хорошо скрытой насмешкой. Мол, неужели и вправду ты, ничтожный, полагал, будто здесь можно что-то да утаить?

– Пластины эти были покрыты линиями и символами. Некоторые из символов соответствовали языку Древних, другие были совершенно неизвестны. Пластины поделили. Думаю, многие пытались раскрыть их тайну.

– Но удалось вашему отцу?

– Брату. Среднему. Он очень талантливый артефактор. Такие рождаются раз в столетие, – это Ульграх произнес серьезно. – И он не столько расшифровал надписи, сколько понял, что означают линии. Силовые потоки. Их направление. Интенсивность. Башня оказалась огром-

ным измерительным инструментом, а на пластинах хранилась история мира. Та часть, которая досталась нам, её хватило, чтобы составить карту. И сличить с современной.

– И найти новый Источник?

– Предположительно. Или, скорее, понять, в какой части мира стоит вести поиски.

Ульграх замолчал, позволяя обдумать услышанное.

– Зачем вам я? – тихо спросил Мастер. – Ваш клан силен.

– Но не всемогущ. Скорее напротив. Врагов у нас едва ли не больше, чем друзей. Да и с теми, кто спешит назвать себя другом, весьма сложно. Куда сложнее, чем с врагами. Город прогнил. Маги слишком давно живут здесь. Они обвыклись с мыслью о своей исключительности, о силе и могуществе. В пределах города. Они заняты уничтожением подобных себе, грызней за власть и богатство.

Ульрих резко поднялся.

– Некогда маги желали познать все тайны мира. Организовывали экспедиции. Искали города Древних. Раскапывали их. Пытались добыть книги. Расшифровать их, что непросто... но у вас вышло, верно?

– С чего вы взяли?

– Давно уже в городе не появлялось ничего нового и интересного, – Ульграх поставил бокал с почти нетронутым содержимым на столик. – А тут вдруг Мастер, уж извините, еще недавно не проявлявший особых талантов, вдруг создает нечто принципиально новое. Необычное. И главное, жизнеспособное. Ваши химероиды удивительны. Вы и сами это знаете.

Зуд сделался невыносим, и почесывания больше не приносили даже минутного облегчения.

– Конечно, вы можете настаивать и дальше, что дело в долгой кропотливой работе, в опытах, в труде и вашем, несомненно, выдающемся таланте, – а это уже прозвучало откровенной насмешкой. – Однако будьте готовы, что вам не поверят.

– Как вы?

– Как мой отец. И мои братья. И многие, кто теперь готов запретить ваши работы, сославшись на Кодекс. Не потому, что Кодекс этот ценят, но из страха, что в ваших руках появится принципиально новое оружие, которому будет нечего противопоставить.

– Я не собираюсь воевать!

– Вы – возможно. Вам оно ни к чему. Но поверят ли в это другие? Там, – Ульграх мотнул головой, – давным-давно все поделено, уравновешено и каждый, кому довелось набросить на плечи плащ Советника, держится за свои крупницы власти. Им тошно от мысли, что на эту власть кто-то да посягнет. Даже теоретически. Поэтому будьте уверены. Сперва вам предъявят обвинения в нарушении Кодекса. Будут судить. И приговор заранее известен. Ваши создания будут уничтожены. Как и сама башня.

– Это... это ведь глупо!

– А кто сказал, что они умны? Сила – это просто сила, – Ульграх пожал плечами. – Да, существует вероятность, что кого-то заинтересуют ваши наработки. И этот кто-то предложит вам защиту.

– Вы?

– Нет. Мой род силен, но не настолько, чтобы вмешиваться в войну.

– Тогда зачем это все?!

Мастер заставил себя вытащить треклятую руку.

– Зачем... сложный вопрос. Мне тошно в городе. И перспектив никаких. Нет и не будет. Скорее уж, когда отлив станет ощутим, напряжение возрастет. И война меж кланами все-таки начнется. Но до этого времени есть пара десятков лет. Хватит, чтобы отыскать другой Источник. И обосноваться рядом с ним.

– Обосноваться? – тихо-тихо спросил Мастер, стараясь отрешиться от зудящей шеи. – Вы это серьезно?

– Вполне. Подумайте сами. Здесь вас ждет смерть, меня – тоскливое прозябание. И тоже смерть, но много позже. А вот если получится отыскать тот, другой Источник. Отыскать раньше, чем другие поймут, что проблема существует, – теперь Ульграх вновь вскочил в необычайном возбуждении. – Смотрите. Мы сможем не только освоить его. И занять наиболее выигрышные позиции. Мы... создадим свой город. Новый. Такой, где возродится магия в исходном её виде!

– Вы полагаете?

– Знаю. Или думаете, что никому, кроме вас, не попадались книги Древних?

– Это... не совсем книга. Пара страниц. Я отыскал их на черном рынке. Случайно. Совершенно случайно.

– И я рад этому! Но поверьте, книги Древних попадают не так уж и редко. Но если когда-то маги сами искали их, то теперь в большинстве своем боятся подобных находок. А уж чтобы пытаться расшифровать... повторить... нет, я чувствую в вас родственную душу. Человека, которому душно в нынешних рамках! Того, кто стремится к большему.

Стало приятно.

И несколько неудобно. Впрочем, неловкость весьма скоро исчезла. И Мастер позволил себе кивнуть. Он такой. Он всегда знал, что дело не в силе, данной свыше, что главное – умение и острота разума.

И везение, само собой.

Ему повезло. Но и он оказался достоин своего шанса. И не потому ли судьба дает еще один? Вот только стоит ли верить Ульграхам?

– И что потребуется от меня? – поинтересовался Мастер осторожно.

В конце концов, отказаться он всегда успеет.

Или нет?

– Во-первых, как и говорил, вы возьмете меня в ученики. Под клятву, как это принято! Поверьте, Мастер, я и вправду ищу себе наставника. Человека, способного научить новому! И я верю, что у вас выйдет.

Мастеру бы еще его веры.

Но он снова вежливо кивнул. Клятва? Клятва – это хорошо. Клятва не позволит причинить вред наставнику. Клятва обяжет слушать.

Подчиняться.

– Во-вторых, мой род готов поддержать меня. В разумных пределах. Финансово. Артефактами. В том числе защитными или атакующими. Наемниками.

– Големы?

– Мы рассчитываем, что и вы примете участие. А вы известны, без сомнений, как лучший специалист по големам.

Лесть? Но до чего же правильная. Он и вправду лучший.

– Что ж, это будет справедливо, – согласился Мастер.

– Отлично! Я так и думал. Времени у нас немного. Отец, конечно, постарается затянуть разбирательство, но все одно стоит поторопиться с отходом.

– Куда?! – вот что интересовало Мастера, пожалуй, больше всего.

– Туда, где у вас уже имеются если не друзья, то хотя бы союзники. Такие, которые понимают, сколь полезными могут быть маги.

Вступление не слишком-то вдохновляло.

– В империю мишек! – сказал Ульграх.

А Мастер выругался.

Нет, почему во всей Ойкумене, огромной, необъятной её, Древние открыли источник именно там?!

Глава 5

Миха увернулся от хлыста, ощутив, как лизнул щеку рассеченный воздух, и припал к земле. Сегодняшний противник был куда опаснее всех тварей, с которыми Михе приходилось встречаться.

– Что скалишься, урод? – с вялым любопытством поинтересовался бритоголовый гигант. И хлыстом пошевелил. Хлыст этот, толстый, перетянутый бронзовыми колечками, казался живым.

И послушным.

Бритоголовому. Вот он, лежавший вроде бы спокойно, взлетел, чтобы коснуться плеча Михи, рассекая и кожу, и мышцы.

Рык в горле сам собою перешел в визг, и Миха покатился по земле.

– Шевелись, тварь. А то хуже будет, – гигант, темная кожа которого лоснилась от пота и масла, не шелохнулся, а хлыст вновь взлетел, готовый обрушиться на многострадальную спину Михи.

К вечеру раны затянутся.

Всегда затягиваются. И он, свернувшись на соломенной подстилке, будет ощупывать кожу, уже почти не удивляясь тому, что подобное возможно. На коже и следов не останется.

Вечером.

А утром все начнется сначала.

Миха увернулся от хлыста, правда, вылетев за пределы очерченного на камнях круга, за что и был наказан. Вспыхнули огнем наручи, завоняло паленой кожей, и Миха завыл от боли.

Твари.

Какие же они твари!

– Давай, хватит бегать, – кинул гигант, сплюнув сквозь зубы. Зубы он подтачивал, а еще покрывал тонким слоем позолоты. И теперь они сияли, что солнце.

Выбить бы.

И вцепиться бы уроду в горло. Он близко. Но близость обманчива. Миха знает.

Пробовал не раз. И еще попробует.

Он скользнул в границу круга, отрешаясь от боли, заглушая уже ставший привычным страх. Тело желало отдыха. Но те, кто дрессировал Миху – а иным словом происходящее и назвать-то не выходило – имели собственные планы.

– Ишь, глазищами зыркает. Говорить-то умеет? – бросил гигант.

– Должен. Но пока упрямится, – ответил маг, наблюдавший за избиением.

Маг держался за пределами круга, на расстоянии безопасном. Был он молод. Красив. И раздражал что видом своим, что любопытством. Пожалуй, раздражал едва ли не сильнее старшего, который появлялся редко и большей частью по делу. Правда, дела его оборачивались для Михи новой болью, что лишь укрепляло принятое некогда решение выдрать магу глотку.

И этому, второму, тоже.

– Ничего. Выбьем, – пообещал гигант в сторону. И снова свистнул хлыст. Правда, теперь Миха уловил движение его краем глаза и успел увернуться, а потом подкатиться ближе. И еще.

Шаг назад.

Два вперед.

И в сторону. Танец, мать его. Безумный танец на грязной, пропитанной кровью земле. И гнилая солома липнет к ногам. Звенят от натуги мышцы. Тело сопротивляется. Тело боится рассыпаться. Но Миха не позволяет отступить. Он ныряет под удар, чтобы резко, рывком, сократить расстояние между собой и гигантом, на лице которого, кажется, появляется выражение крайнего недоверия.

А руки сами впиваются в шею.

Такую короткую, украшенную такой толстой, удобной цепью шею, чтобы... вспыхнули треклятые браслеты. Миха стискивает зубы. Эту боль он готов перетерпеть, главное ведь – добрался.

Краем глаза он замечает, как подается вперед маг. Вскидывает руки, шевелит пальцами, будто воздух щупает. Хрипит, наливаясь кровью, бритоголовый. Цепь его вдавливаются в горло, а хлыст выскальзывает из рук.

Губы кривятся. И Миху обдает гнилым дыханием. А в следующее мгновение уродливые толстые губы складываются в усмешку, и Миха не успевает понять, что происходит.

Огромные лапы обхватывают его голову.

Дергают.

Миха рычит. А треклятый негр бьет. Лбом. В лицо. И кажется, хрустят кости...

– Не повредите образец! – кричит маг, правда, как-то не слишком убедительно. А Миха захлебывается собственной кровью. Его же отрывают, швыряют на землю, и тяжелая, обутая в кованые железом ботинки, нога впечатывается в ребра.

– Выживет, – хрипло отвечают магу. – Шустрый... семя шакала. И упертый. Хорошо.

– Вы как, мастер?

– Жить буду. Но нет, видели? Удивил... может пусть и не говорит, но двигается-то, двигается как! – теперь, кажется, Михой восхищались. Правда, это не помешало опять пнуть его под ребра. – Вставай.

Миха попытался.

Кажется, сломан нос.

И не только. Зуб, стоило прикоснуться, выпал. А снизу клык шатался. В голове гудело. Ныли ребра.

– Странно, что защита сработала так слабо.

– Сработала, вона, попалило изрядно. Снимите вы эту пакость. Все одно толку мало. Чувствительность-то, чай, снизили, – негр присел на корточки и сунул палец под браслет. – Но ничего, поработаем, глядишь, и сделаем человека.

– Скорее бы, – маг тоже подошел.

Он ступал мягко, осторожно, но все одно двигался громче этого вот, с хлыстом.

– Времени почти не осталось.

– Ничего. Сколько есть, а все наше. Водички ему дайте, и пусть передохнет, подумает.

На Миху вылили ведро воды.

Хорошо.

Пить хотелось жутко. Убивать тоже. Но пить – сильнее.

Верховный разглядывал шкатулку. Обыкновенная. Ладони две в длину, ладонь в высоту. Дерево, покрытое лаком. Ни резьбы, ни инкрустации. Только хитрый замок поблескивает, так и манит открыть.

Открыть можно.

Верховному. И человеку, которому тот доверит дело столь важное.

Верховный поморщился. Больше всего ему хотелось шкатулку эту сжечь, а пепел развеять у подножия пирамиды. Но он давно уже научился справляться с собственными желаниями. А потому лишь откинул крышку да сухим пальцем провел по одинаковым кругляшам камней.

И вновь же, ничего-то в них нет.

Обыкновенный горный хрусталь, которого в Империи изрядно, только гранить его не стали, но отшлифовали. И сделался хрусталь серым, нехорошим. Такой и в руки брать неприятно.

В дверь поскреблись.

– Заходи, – велел Верховный, не сомневаясь, что и тихий голос его – уж третий день как ныло противно горло – будет услышан.

И не ошибся.

– Я принес теплого молока, – произнес Нинус, глядя в пол.

Тихий.

Смиранный.

Умный, иначе не продержался бы столько. Опасный. И невидимая рука сдавливает горло.

– Благодарю, – Верховный провел по пустым кристаллам. Наполняясь божественной силой, те меняли цвет. Одни становились ярко-зелеными, ярче драгоценных изумрудов, другие полыхали алым, третьи делались черны, что первозданная Бездна.

Нинус отпил глоток из кубка и лишь затем подал Верховному.

– Вам не нравится это? – позволил он себе вопрос, как-то уловив, что Верховный пребывает в подходящем для беседы настроении.

– Не нравится.

– Но и отказаться мы не можем? – он ступал почти беззвучно. Босые ноги его с одинаковой легкостью скользили что по камню, что по драгоценным коврам.

– К сожалению. Император сказал свое слово.

Молоко, смешанное с топленным жиром и медом, имело тот отвратный привкус, который долго потом не сходил с языка.

– Присядь, – велел Верховный.

И Нинус поклонился. Он опустился на ковер, растянувшись в позе покорности.

– Не надо. Не сейчас. Я знаю, что с тобой беседовал Император.

Спина вздрогнула.

Он и вправду надеялся, что Верховный настолько ему доверяет, чтобы вовсе не приглядывать?

– Я был тверд в своей вере.

– Не сомневаюсь.

Когда-то, очень давно, он сам, не будучи Верховным, вот так же подносил теплое молоко. И вновь же мешал его с жиром и медом.

Хорошее сочетание. Терпкое. Много позволяет скрыть.

– Но что ты думаешь сам?

– Думаю?

А пальцы вытянутых рук подрагивают. Страшно? Ничего, этот страх не идет ни в какое сравнение с другим. Верховный позволил себе улыбнуться. Какое удивительное заблуждение. А главное, распространенное. Он ведь тоже полагал, что, достигнув вершины, станет свободен. Прежде всего от страха.

Вышло наоборот.

– Что ты думаешь о магах? Об их предложении? О том, что они нужны нам?

– Я...

– Ты ведь думал об этом? Не разочаровывай меня, Нинус. И разогнись уже. Я не собираюсь тебя убивать.

Вряд ли Верховному поверили, но спину Нинус распрямил. Так-то лучше. Всяко удобнее беседовать с человеком, нежели с его спиной.

– Император прав. Маги нужны нам.

– Нам?

– И нам тоже, – ответил Нинус с необычайным упрямством. – Вам ли не знать, сколько многие недовольны. Не только границы великой Империи ослабли, но и границы веры.

Он стиснул кулачки.

А ведь верит. Искренне верит. Эта искренность, эта уверенность, что именно они, избранные отцом-Солнцем, благословенные светом его, и держат на плечах своих мироздание, когда-то и привлекла внимание. С той поры прошел не один десяток лет, но вера никуда не исчезла.

Хорошо ли это?

– Вам ли не знать, что все реже люди заглядывают в храмы. Все меньше жертвуют. Что утратили они страх перед Богами. Что все чаще раздаются голоса, которые призывают остановить жертвоприношения! – это Нинус почти выкрикнул. – И все меньше тех, кто верит, что так нужно! Что не по воле своей, не по прихоти совершаем мы это!

Верховный склонил голову.

Так и есть. И даже здесь, в самом сердце Империи, в Благословенном городе, эти голоса слышны, что уж говорить о провинции?

Путь бескровного служения.

Принцип добровольности.

Ересь!

– И чем нам помогут маги?

– Многим, – Нинус сложил руки на коленях. Поза его по-прежнему выражала почтительность, но ныне в ней не осталось ничего-то раболепствующего. – Сотворенные магами ищейки не знают усталости. Они способны держать след и по камню, и по воде. Их зелья любого заставят говорить правду. Их големы разрушат любое убежище, любую крепость. Мы пройдем по лесам и горам. Мы вырвем ересь, выжжем её, не оставив никого, кто усомнился бы в величии Богов!

Верховный прикрыл глаза.

– А еще их фокусы легко выдать за чудо, – сказал он тихо. – Простонародью ведь нужны чудеса, верно?

– Они глупы, что мулы. Но пахать поле лучше на довольном муле.

– Верно. Как хорошо все складывается.

Нинус нахмурился.

– Вопрос лишь в том, насколько их хватит. Чудеса? Их продадут нам охотно. И големов. И ищеек. А еще тех, кто держит в своих руках и големов, и ищеек.

Верховный подавил вздох.

Рано ему еще уходить. Нинус умный мальчик, но, как ни печально признать сие, слишком уж одержимый верой. Для жреца это неплохо. Для Верховного жреца – непростительно.

Он с радостью броситься выкорчевывать ересь, оставив храмы на откуп магам.

Нельзя.

И неужели Император не видит? Не понимает?

Или и видит, и понимает? Он ведь тоже не глуп. Стравить жрецов и магов, чтобы пользоваться и теми, и другими? А после подмять под себя? Сложно.

И тяжело.

Верховный допил молоко и, позволив нарушить молчание, велел:

– Иди. Передай там, что завтра я буду готов вернуть их... добро.

Камни все еще хранили холод.

Завтра. Завтра Верховный поднимет шкатулку на вершину пирамиды. Поставит её на золотое блюдо, на то, куда позже лягут и сердца. Наверное, можно было бы отыскать иное место.

Спрятать.

Укрыть от взгляда богов.

Но Верховный не захотел. Напротив, в самый первый раз, когда он отнес шкатулку наверх, он надеялся, что боги оживут. И поразят наглеца.

Не поразили.

Статуи остались недвижимы. И глаза их, выточенные из цельных драгоценных камней, не ожили. Солнце не рухнуло на землю. Не ударили молнии. Не разверзлись небеса.

Ничего-то не произошло.

Снаружи.

– Они желали бы узнать, сможете ли вы взять больше камней? И готовы платить за помощь.

– Чем?

Не хватало принимать плату. Или все-таки только и оставалось, что плату принимать? Может, правы те, кто говорил, что истинная Империя давно мертва?

– Они знают, что золото мира и без того принадлежит Отцу-Солнцу. А потому просят вас принять две дюжины крепких рабов. Это воины-северяне, именующие себя норраман. Они свирепы и храбры. И каждый в бою поразил не менее трех наемников. А потому их сердца полны живого пламени.

Хороший дар.

Правильный.

И тем смущает. Проклятые маги знают о храмах и вере куда больше, чем следует.

– Хорошо, – Верховный прикрыл глаза.

– А еще, – Нинус слегка запнулся. – Они умоляют вас не отвергать вот это.

Он вытащил темно-зеленый камень, вставленный в золотую пластину. Пластина пестрела письменами, но прочесть написанное Верховный не мог.

Надо будет поискать среди храмовых невольников кого-то, кто знал язык магов.

– И что это?

– Это жизненная сила, воплощенная в камне. Она будет питать ваше тело, и недуги, вас снедающие, отступят, – Нинус вытянул руку, а другую приложил к груди. – Я хочу, чтобы вы жили! Жили долго и во славу Богов!

Необычайное признание.

– Почему?

Амулет раскачивался на толстой цепочке. Манил. Просил взять себя в руки, обещая, что отступят и слабость, и предательская дрожь в руках. Спина разогнется. И уйдет холод, что пробирается в кости, несмотря на меховые одеяла и покрывала из тончайшей шерсти.

– Неужели не желаешь занять мое место?

– Нет, – Нинус мотнул головой. – Я не справлюсь. Я хочу, чтобы вы жили. И долго. Чтобы одарили меня копьем и щитом. Чтобы позволили выступить за веру. Я желаю под вашей рукой бороться с ересью, ибо она суть яд, который точит сердце Империи!

Камень блеснул.

И Верховный поднялся.

– Верховный жрец из меня не выйдет. Я слишком прямой. Неудобный. Я не понимаю в политике. Я не буду угоден Императору. Я недолго продержусь на вашем месте. А на своем принесу пользу. Вам и вере.

Пальцы коснулись амулета, и их обдало теплом. Волна его прокатилась по телу, снимая боль. И впервые за долгие годы развернулись легкие, застучало ровно сердце, будто ожило, наконец.

Верховный едва сдержался, чтобы не отбросить проклятую вещь.

Они думают, что его можно купить этим вот?

Хотя... пожалуй, что можно.

Хитрые твари.

И Нинус прав. Он не справится. Не с ними.

Верховный надел цепочку.

– Хорошо, – он наклонился и коснулся лба жреца собранными в щепоть пальцами. – Я благословляю тебя. А им скажи, чтобы прислали кого-нибудь, кто будет таскать эти шкатулки. Не стоит нам самим лишний раз их трогать.

Глава 6

Магистр с высоты балкона наблюдал за тем, как по вытоптанному пятаку земли мечется химероид. Снова. Довольно забавное, следовало признать, зрелище. Вот он припал к земле. Вот скользнул влево, норовя зайти противнику за спину. Нырнул под удар хлыста, почти добрался до того, кого весьма искренне ненавидел, и откатился, так и не прикоснувшись.

– Он весьма упорен в своем желании убить, – осторожно заметил Ульграх.

И отвесил поклон.

Это льстило. Определенно.

– Что ж, в таком случае весьма надеюсь, что ваш наставник понимает, что делает, – Магистр отвернулся. – Право слово, я бы не рискнул вооружить его даже вилкой, не говоря уже о настоящих клинках.

– О, мастер Эду совершенно точно знает, что делает. Он и меня учил.

Ульграха передернуло. Верно, воспоминания не относились к числу приятных.

– Он придерживается мнения, что человек, который хочет жить, выживет. И научится пользоваться собственным телом.

Химероид выронил клинок и закрутился.

– Главное, чтобы он его не убил.

– Кто и кого? – с вежливой улыбкой уточнил Ульграх.

– Никто. И никого. Лишние мертвецы нам ни к чему, – Магистр спрятал зудящие руки в складках мантии. Снова ведь. Это все от нервов. От переживаний.

А виною их – Ульграх, который пусть и принес клятву, и старался вести себя так, как надлежит послушному ученику, а все одно стоило ему появиться рядом, и Магистр начинал нервничать.

Следить за словами.

За движениями.

За руками, которые чуть выше ладоней вновь покрылись красной коркой. И мази не спасали. И отвары.

– Как скажете, Магистр, – произнес Ульграх, как почудилось, со скрытой издевкой. – Лишних не будет.

И вниз поглядел. И выражение лица его сделалось таким, что отчего-то пришло понимание: вот этому огромному, обманчиво неповоротливому человеку недолго осталось.

Пускай себе.

– Завтра прибудет заказчик, – Магистр тайком поскреб руку и обругал себя мысленно: зуд сменился ноющей болью. – Надо будет показать товар.

Ульграх поклонился.

И, чуть помявшись, заметил:

– Он не говорит. До сих пор.

– Что ж, и такое случается, – особой беды в том Магистр не видел. Во-первых, в контракте ничего не говорилось про необходимость сохранения речевой функции. Во-вторых, вряд ли кто вообще планирует вести беседы с телохранителем. Иным вон вовсе нарочно языки отрезают.

А тут, так сказать, естественная немота.

Надо будет лишь подумать, как представить это заказчику в выгодном свете.

– Мозг, взяв на себя дополнительную нагрузку, возможно, достиг предела возможностей.

Тварь все-таки попыталась убить наставника. И приближаться не стала, но метнула клинок. Весьма ловко. Даже жаль, что мимо.

– Вот и решил отказаться, скажем так, от лишнего.

– Речи?

– Именно. Все-таки не забывайте, что основа химероида – существо физически развитое, однако при всем том достаточно примитивное.

Магистр сделал глубокий вдох. В воздухе запахло свежей кровью, и этот запах он ни за что бы не пропустил. Плеть же, отпрянув, вспоров кожу на спине, вновь взлетела, чтобы опутать подставленную руку. Рывок. И химероид покатылся, пытаясь, правда, остановить падение, но несмотря на всю свою силу – а физически он определенно превосходил наставника – не сумел. Плеть отпустила руку и обрушилась на спину.

Ребра.

– Защищайся, отродье! – долетело снизу.

И Магистр поморщился. Впрочем, не только он. Ульграх потер ребра и пробормотал:

– Он учит хорошо. И не делает исключений. Ни для кого.

– Пускай.

Магистр покинул галерею. И остановился на пороге лаборатории. Пусто. Как же пусто... почти все оборудование, представляющее хоть какую-то ценность, разобрали, уложили в огромные ящики, которые нашли свое место в недрах механического каравана.

Пустота нервировала.

Опустевшие шкафы. Единственный стол, на котором дожидался своего часа очередной образец. Ульграх уже приступил к изменению костной структуры, но еще день или два, и образец тоже придется отправить.

Перенесет ли он перемещение?

Магистр обошел стол, задержавшись у камня, что налился темно-красным тревожным светом. Следовало признать, что руки у мальчишки имелись. Он отлично справлялся, а те мелкие огрехи, которые были допущены, Магистр устранил сам.

И все-таки жаль будет потерять образец.

Или получится довести? Ульграх уверял, что в караване оборудована полевая лаборатория и этого хватит. Но как знать, сколько продлится их путешествие?

Магистр изменил скорость подачи раствора. Вечно молодость спешит. Он тоже был таким вот, нетерпеливым, жаждущим быстрых результатов.

Пройдет.

Существо на столе издало протяжный жалобный звук. И распахнуло глаза. Мастер обошел и встал с другой стороны. Его не видели – взгляд был расфокусированным, зато он получил отличную возможность оценить состояние образца.

Глазные яблоки были слегка мутными и цвет имели характерный, желтоватый. Следовательно, кровезамещающий раствор поступал с правильной скоростью. Помнится, в самом начале и Магистр ошибался, спеша скорее заместить весь объем. На деле выходило, что кровь оставалась в сетях малых сосудов, где после и начинала разлагаться, доставляя изрядное количество проблем.

Чисто.

Просто-таки отлично. Магистр вскинул руку и провел перед лицом создания. Отлично. Взгляд дернулся было, следовательно, иннервация зрительных нервов не нарушена.

Очень уж тонкие структуры.

Постояв еще несколько минут рядом, проверив и другие показатели, Магистр окончательно успокоился. В конце концов, он всегда сможет вернуться.

Именно.

Ульграхи не правы, полагая, что он не найдет себе покровителя. Он уже нашел. Только Ульграхам о том знать не следует.

Опустевшую лабораторию Магистр покинул в преотличнейшем настроении.

Миха, сидя на корточках, грыз кость. Почему-то помимо кости, на которой оставалось еще изрядно сырого мяса, его несколько беспокоило то, что он вообще жрет сырое мясо, не испытывая притом отвращения. И поза эта нелепая. И отсутствие одежды. И то, что переломы – а переломами жизнь радовала – срастаются как-то слишком уж быстро.

Ну и вообще то, что он так и не вспомнил, кто он есть.

То есть не сказать, чтобы данный факт слишком уж его занимал. Наверное, будь у него свободное время, беспокойство появилось бы, вот как сейчас. Зубы скользнули по кости, снимая тонкую стружку, а рот наполнился вязкой слюной.

Мясо Миха любил.

Причем именно сырое, желательно, чтобы с кровью. Запах её вызывал в душе небывалый подъем, за который в то же время становилось стыдно. Почему?

Потому что он не дикарь.

Или дикарь?

А если нет, то кто?

Наверное, кости стали срастаться быстрее или ломались меньше, если Миху вдруг взволновал этот вот, к нынешнему его существованию не имеющий отношения, вопрос. Он даже приоткрыл рот, и кость выронил, которая упала на солому. И прежде сие обстоятельство Миху не тронуло бы. А ныне он поднял кость, посмотрел, смахнул рукой слишком уж длинные соломинки.

И отложил в сторону.

А и вправду, кто он?

Миха.

Это имя. Причем те, кто дрессировал его, называли его иначе. Похоже, но иначе. И Миха не спорил. Где-то глубоко внутри жило понимание, что имя надо беречь. Раз уж больше ничего не осталось.

Но кто он все-таки?

Человек? Уже нет. Миха поднял руку и выпустил когти, которым сугубо теоретически было некуда прятаться в тонких пальцах. А они прятались. И выходили, исключительно когда Миха хотел.

Или нужда случалась.

У людей когтей нет. И сращивание переломов занимает несколько недель. А потом еще восстановление. Физиотерапия.

Миха нахмурился, пытаясь понять, что это. И откуда вообще странное слово в голове всплыло. Не получилось. Голова начала гудеть. И Миха сунул палец в ухо, пытаясь избавиться от гудения.

Значит, перелом, который срастается за сутки, – это не нормально.

Как и рваные раны, что затягиваются на глазах. И, главное, заживают быстро, хотя в нынешних условиях им бы загноится. Иммуни́тет должен был бы быть ни к черту.

Что такое иммуни́тет?

И черт?

Миха потряс головой.

Да кто он, мать его, такой?!

– Эй ты, – тихий голос отвлек от размышлений. И тело само развернулось, готовое наброситься на человека, что благоразумно держался за чертой. Миха как-то пробовал дотянуться до черты, но понял, что даже если просунет сквозь прутья плечо, то все одно не получится. – Ты меня понимаешь?

Маг.

Миха уже научился отличать магов от иных людей. Хотя тех было немного. Существо, которое приходило убираться в Михином загоне, не являлось ни магом, ни человеком. Ублюдочный ниггер человеком являлся, но не был магом. А вот этот, в странных одежках, был.

Почему странных?

Миха опять же не знал. Просто странных и все. Нормальные люди не носят штаны, больше похожие на чулки бабские, да еще и пидорского розового цвета. Этот же носил. И чулки, и штаны. На штанах имелись банты, камушками блестящими украшенные. Камушками сиял и камзол с узкими рукавами. Из рукавов выбивались пышные кружева. Такие же украшали воротник белоснежной рубахи. Поверх воротника лежала толстенная, с два пальца, золотая цепь, а на ней висел медальон. Круглый. И вновь же с камушками.

Память смутно подсказывала, что камушки что-то да значат, особенно большой, который в центре, но что именно, Миха то ли не знал, то ли опять же забыл, как и все остальное.

– Хотелось бы думать, что понимаешь, – маг был молод и, наверное, хорош собой. Светлые волосы его, заплетенные в две косы, спускались на воротник. И банты в этих волосах почти даже не удивляли. Как и рисунок, выбитый на щеке.

Татуха на роже – это даже круто.

Так думала одна часть Михи, а другая не думала, но боялась. Татухи. Почему?

– Иначе участь твоя будет незавидной, – продолжил маг. – Мой наставник гордится своей работой и небезосновательно. Ему удалось вывести существо выносливое, почти не поддающееся воздействию, быстрое, смертоносное. Но при этом на диво тупое. Почему-то он не считает это проблемой, полагая, что упорная дрессура позволит скрыть сей маленький недостаток.

Сам он тупой! У Михи, между прочим, неплохие баллы по ЕГЭ были. И в мед он почти прошел на бюджетку. Малости не хватило.

Он наморщил лоб, пытаясь вцепиться в странную эту мысль.

– Однако я понимаю, что тот ты, которым ты ныне являешься, годен для арены, но никак не для службы. И отсюда возникает вопрос, насколько реально тебя обучить?

Миха заворчал.

– Если будешь и дальше прикидываться животным, то я решу, что так оно и есть. И уйду. Завтра наставник гордо продемонстрирует тебя заказчику, но вряд ли тот останется доволен. А стало быть, аванс придется вернуть, а тебя... тебя, друг мой, ждет незавидная участь неудачного эксперимента.

Экспериментаторы хреновы!

– В лучшем случае тебя продадут на бои, где ты проживешь довольно долго, но не слишком хорошо. В худшем Мастер пожелает понять, где совершил ошибку. А значит, ты вернешься на стол.

Из глотки вырвалось рычание.

– Значит, понимаешь. И помнишь. Уже хорошо. Тебя препарируют, особенно твой несчастный мозг, и это будет печально.

Самое мерзостное, маг не лгал. Это Миха чуял. Он и прежде-то ложь определял слету, такой вот сомнительного свойства дар, а тут способность обострилась.

– Ч-ш-то ты п-пр-гаешь? – язык слушался плохо, горло еще хуже.

– Значит, все-таки не тупой, – с изрядной долей насмешки ответил маг. – Я бы даже сказал, наоборот. Отлично. Я предлагаю помощь.

С какой это радости?

Вот не верилось Михе в этакое счастье.

– Поверь, у меня есть на то причины, – сказал маг очень тихо. – Дружьями мы точно не станем, а вот союзниками – вполне. Если, конечно, ты не попытаешься меня убить.

Это будет сложно.

Но Миха постарается.

Глава 7

Следовало признать, что богопротивные зелья работали. Верховный вытянул руки, отмечая, что исчезла ставшая уже привычной дрожь в пальцах. И спину отпустило.

Сердце билось ровно, спокойно.

Отступили слабость, да и холод больше не ощущался мертвенным.

Плохо.

Но боги не ищут легких путей, каждому выбирая испытание по силам его. Стало быть, и он справится. Должен. Верховный оперся на посох и закрыл глаза, обратившись к небесам с молитвой. Привычные слова, правда, более не приносили успокоения.

А вот шаги он слышал, благо человек, ступавший по коридору, делал это нарочито громко, явно желая предупредить о своем приближении.

– Доброго дня, – сказал Верховный, ибо долг хозяина – всякого гостя встретить радушно.

– И вам доброго дня, Солнцеподобный, – маг говорил чисто, разве что некоторые звуки получались чуть более жесткими, чем следовало бы. И вновь же, что стоит за этим? Умение ли? Способность постигать иные языки? Или же запретное искусство?

Верховный указал на мягкое ложе, застеленное медвежьей шкурой.

– В нашем городе не принято являться в гости, не поднеся хозяину дара, – продолжил маг.

Был он невысок, полноват той полнотой, которая случается в людях, склонных к лени. Его кожа отличалась бледностью и рыхлостью, но ногти, покрытые лаком, блестели, да и белки глаз были чисты.

Он поднял руку, и зазвенели тоненько золотые браслеты на ней. Однако, повинуясь движению, невольники, сходные друг с другом, словно отражения, внесли резной ящик.

– Когда я получил приглашение, то сердце мое исполнилось радости, однако в то же время я понял, что среди всего, чем владею, вряд ли отыщу хоть что-то, что сгодилось бы в дар Солнцеликому.

Лесть.

Маги все изрядные льстецы. И главное, что умелые. Они всегда-то найдут, что сказать. И слабое сердце зануло, ибо слова были приятны.

– Воистину, что можно подарить человеку, власть которого подобна солнечному свету.

– Властвует Император, – заметил Верховный.

– Над умами, несомненно. И над телами. Но души и достойное посмертие в ваших руках, – маг поклонился, но сделал это с прямою спиной, оттого-то в поклоне не было и толики обычной угодливости. – И знаю, что вам было непросто согласиться на эту встречу. Вы не испытываете ко мне приязни.

Рабы стояли, вперившись взглядом друг в друга. Блестели намащенные тела их. Блестели золотые наручи и ошейники. Сияли драгоценные камни, врезанные в кожу.

– Увы, слишком долго народы наши были разделены, – меж тем маг подошел к сундуку, на резной крышке которого медведь сцепился в неравной схватке со львом. Оба зверя были вырезаны с немалым умением. – И преодолеть пропасть ненависти будет нелегко. Однако и муравей способен взобраться на вершину горы.

– Слова.

– Зачастую все-то и начинается именно со слов, – маг откинул крышку.

– Они...

– Они не способны говорить без моего на то разрешения. Как и думать. Это уже не совсем люди. Вы, верно, знаете, что нам доступно многое. В том числе и способность привязать человека прочнейшими узами, каких не даст ни одна иная клятва.

– Можно ли их считать людьми?

– Физически? Тела их не подвергались изменениям. Почти. Разве что вот, – маг указал на золотую пластину с выгравированным на ней глазом. Пластины блестели на лбах невольников. – Это довольно простая операция. Снимается лоскут кожи. Вырезается небольшой участок кости. Это нужно, чтобы открыть мозговое вещество. Дальше же идет направленная обработка лобных долей мозга силой. Но вряд ли вам это интересно.

Интересно было, ибо не в праве одни люди отнимать у других разум.

Жизнь – да. Но разум, как и душа, в воле богов.

– Идите, – маг отпустил невольников. – Если будет ваше желание, мы вернемся к этой теме чуть позже. Я понимаю, что многие из наших методов могут вызвать неприязнь. Или даже откровенное отвращение.

В руках мага появилось нечто, обернутое драгоценной золотой тканью.

– Однако и мы имеем над собой Закон, преступить который не рискуем.

Этому Верховный не поверил. Никогда еще ни один закон не сдержал человеческую жажду, будь то наживы, власти или обыкновенного любопытства.

Меж тем сверток лег на стол, и маг отбросил края ткани.

– Прошу, – сказал он, отступив к ложу.

Верховный сделал шаг.

Он уже понял, что видит пред собой. И увиденное наполнило сердце одновременно восторгом и гневом. Да как посмел этот человек вовсе прикоснуться к подобной вещи?!

– Вижу, вы узнали. Мы, право слово, не сразу поняли, что это такое, – маг не собирался замолкать. Взгляд его сделался холодным и злым.

Маска.

Лицо, сделанное из золота, столь умело, что казалось живым. Спящим. Еще мгновение, и дрогнут веки, а губы растянутся в насмешливой улыбке.

– Вернее, мы знали, что это, но понятия не имели об истинной ценности.

И не имеют.

– Маска Солнцеподобного, верно? – не успокаивался маг. А у Верховного появилось стойкое желание убить проклятого.

За его речи.

За наглость.

Просто за то, что он, такой, существует и нарушает заведенный порядок.

– Её нашли в лагере мешеков, когда сняли осаду. И включили в число трофеев. Наверное, повезло, что не отдали на переплавку. Все-таки золота в ней прилично.

Золото.

Они и вправду торговцы по сути своей. Все-то меряют золотом. Что ж, пускай. Дрогнувшие таки пальцы Верховного коснулись золотой щеки. И та отозвалась хорошо знакомым теплом.

– Но мы бережно относимся даже к тому, чего не понимаем, – маг все-таки опустился на ложе. – Я чувствую силу, в ней заключенную. И был бы несказанно благодарен, если бы вы сочли возможным пояснить мне, несведущему, её природу.

Будто он способен понять.

Или, хуже того, принять.

– Это маска первого жреца. Того, кто заключил договор с Солнцем, – произнес Верховный, с сожалением убирая руку. – И получил благословение его. Солнце коснулось человека, однако плоть его была слаба и не способна выдержать это прикосновение. Она вспыхнула. И обратилась божественной волей в золото.

Вовсе не то золото, которое добывают на копях Императора. Но об этом Верховный не скажет. Ни к чему.

– Он получил великий дар. И великую силу. Эта сила хранила империю мешеков многие годы, – маска вновь казалась лишь маской, но Верховный знал, что она притворяется.

Испытывает.

Всматривается в него, прицениваясь, достоин ли он, слабый человек, великой милости.

– И в год, когда слабеющие небеса стали ронять на землю пламя, эта сила привела к берегам мешеков большие лодки и людей, полагавших себя избранными. Они принесли с собой пламя и железо, но этого оказалось недостаточно. И тот, кто был благословен солнцем, забрал жизни этих людей, а еще их корабли и их знания. Он велел строить суда. Он посадил на них мешеков. И увел за собой, спасая от гнева разоренных небес.

– И привел сюда, на земли, которые принадлежали людям.

– Мешеки тоже люди, – возразил жрец, набрасывая на маску золотой полог. В сундук возвращать не стал, но взмахом руки велел подойти прислужнику. – Случилась война. Большая война. И он, тот, кто возвел первую пирамиду нового мира, положил в основание её свое сердце. Руки он отдал воинам и мастерам. Ноги – земледельцам, ибо земли нового мира родили не столь обильно.

– Как-то... жутковато звучит.

– Предания не бывают добрыми, – сказал Верховный, более не испытывая неприязни к человеку, что сидел напротив. – Тем паче о временах смутных. Он и рассказал нам, сколь опасна сила.

– Но не отказался от нее, верно?

– Верно.

– На самом деле весьма странно слушать эту... историю. У нас имеется собственная. О мире, который существовал, пока однажды не разверзлись небеса, дабы излить звездный огонь. О том, что огонь этот вызвал многие разрушения и поверг народы в страх. И еще о том, как вслед за огнем демонами преисподней пришли в этот мир люди со смуглыми лицами и острыми зубами.

Маг сложил руки поверх живота, наличия которого, казалось бы, не стеснялся. Пальцы его были длинны и белы, ногти, покрытые черным лаком, округлы. На мизинце поблескивал синий камушек.

– Эти люди прошлись по разоренным землям, всюду устанавливая свой порядок. И не было никого, кто сумел бы встать на их пути. Врагов они повергали в трепет.

Верховный прикрыл глаза.

Ему отчаянно хотелось завершить встречу, отдать магу все, чего желает он, лишь бы, наконец, поскорее спуститься в подземелье. И там уже, в тиши, в одиночестве, вновь прикоснуться к чуду.

– И когда последний оплот, великая некогда империя, пала, то люди эти провозгласили себя потомками богов. А еще... – маг сделал выразительную паузу. – Еще они заявили, будто бы знают, как защитить земли свои от гнева.

– Они возвели пирамиду.

– Верно, – маг провел пальцами по животу. – И принесли в жертву тех, кто не желал смириться. Об этом жертвоприношении у нас довольно много пишут. Но, говоря по правде, мне всегда казалось, что число жертв несколько преувеличено. Все-таки двадцать тысяч человек... это несколько чересчур.

– Двадцать две тысячи триста четырнадцать человек, – поправил Верховный. – Стены храма помнят имя каждого.

– Даже так. Извините, не знал, – маг развел руками. – Это... внушает.

– Мир питается кровью. Богов и людей.

– Да, конечно. Я читал ваши книги. Переводы. Измышления наших ученых тоже, хотя им особой веры нет. Все-таки вы не слишком рады чужакам здесь, не говоря уже о том, чтобы допустить в священное место.

А из него вышла бы неплохая жертва.

Верховный сделал глубокий вдох, вбирая в себя слишком уж цветочный нежный запах человека. Так пристало пахнуть женщине, пожалуй. С другой стороны, не стоило обманываться. Ни рыхлостью, ни слабостью показной.

– Но тогда, много лет тому, после великой жертвы, небеса очистились от тьмы и гари. Вновь выглянуло солнце. А ночи избавились от огня, – продолжил маг, глядя на собеседника внимательно.

Да, пожалуй, жертва из него вышла бы.

– И это убедило даже тех, кто сомневался. В ином случае вашим предкам вряд ли удалось бы удержать земли. Все же их было не так и много.

– Все в воле богов.

– Несомненно, – маг склонил голову. А Верховный решился и хлопнул в ладоши. На звук этот беззвучно сдвинулась стена, пропуская младшего жреца. А с ним и рабов, которые несли сундук.

– Мы с вами происходим от разных народов, – сказал Верховный, взмахом отпустив и жрецов, и носильщиков. – Однако во многом схожи. И наши боги говорят, что негоже скупостью отвечать на щедрость. И уж точно недопустимо на дар достойный не ответить иным.

Он сам подошел к сундуку, сделанному не менее искусно, нежели тот, в котором доставили маску.

– И раз уж речь пошла о временах иных, давно забытых людьми простыми, в несведущести своей полагающими, будто мир существует лишь здесь и сейчас, то и дар мой будет соответствовать.

Верховный коснулся рогов огромного косматого быка.

Говорили, будто подобные водились в древности, и ко двору императора даже доставили чучело, весьма удивившее многих.

Жаль, что звери исчезли.

Хорошо, что мир устоял.

Он надавил на костяные пластинки, и те опустились с беззвучным щелчком. Крышка приоткрылась. И маг встал, не дожидаясь приглашения.

– Вы помните о смуглолицых людях с острыми зубами. Но помните вы и о тех, кто был до того. Тех, кого вы именуете Древними, называя себя наследниками их.

– Вы знаете о Древних?

Маг не приближался. Он замер, застыл неподвижно. Взгляд его был устремлен на сундук.

– Сложно не знать о тех, чьи следы сохранились по всему миру. Но Древние, я слышал, ушли задолго до того, как мой народ пересек Большую воду, – Верховный вытащил книгу.

– Верно. Никто не знает, когда они ушли. И ушли ли.

– Даже так?

– Теорий множество. Есть и такие, которые полагают, что люди одаренные в крови своей несут память о Древних. И силу их. Но это спорно.

Верховный вытащил книгу.

Она была толста. Кожаные страницы потемнели, но ни одна не испортилась. Именно поэтому он и выбрал книгу среди прочих, которых немало хранилось в подземельях храма. Он даже велел восстановить серебряные накладки, некогда украшавшие обложку.

И камнями украсил.

Получилось вполне годно для подарка.

– Благодарю, – маг принял книгу с поклоном. И бледные руки его дрогнули под тяжестью. – Это... вы знаете, что это?

– «Основы магического искусства», – ответил жрец.

– Вам знаком их язык?

Его удивление было искренним.

Верховный же вернулся на ложе и позволил взять себе гроздь винограда.

– Простите. Многие полагают вас, как бы сказать...

– Дикарями? Не способными к знанию? Закостеневшими? Одержимыми жаждой крови? – Верховный позволил себе улыбнуться. Смущение, которое испытывал маг, было забавно. – Что ж, отчасти во всем этом есть своя правда. Однако истина в том, что лишь знание и познание мира способны сохранить его.

Он раскусил ягоду и замер, наслаждаясь легкой сладостью её.

– Согласен, – маг воспользовался паузой. Он держал книгу бережно. – К сожалению, большинство наших рукописей было утеряно. А то, что осталось, часто сокрыто. Это воистину драгоценный дар.

Поклон его был низким и искренним.

– И тем отраднее будет принять его. Теперь я верю, что у нас с вами один путь.

– Да будет так, – ответил Верховный.

И еще подумал, что синей краски он для мага не пожалеет.

Когда придет время.

Это будет хорошая жертва. Правильная.

Глава 8

Миха старался есть медленно, правда, получалось с трудом. Все его существо требовало немедленно стрести еду, какая была на столе, и убрать в надежное место.

Какое?

А хоть бы в угол клетки.

Но Миха старался есть медленно.

– Видите, наставник, он определенно делает успехи, – по ту сторону решетки за своим столом устроился маг, из-за которого в Михиной жизни случились перемены. И не сказать, чтобы к худшему. Этот маг, откинувшись на спинку кресла, наблюдал за Михой едва ли не с гордостью. – Он больше не грызет кости, но использует столовые приборы.

Миха старательно заелозил ножом по тарелке. Звук притом вышел наймерзостнейший, и старший из парочки скривился.

– Несомненно, идеальных манер добиться будет сложно, но вы сами видите, что сейчас он куда более, как бы это выразиться, человекоподобен.

Миха ткнул вилку в крохотный кусок мяса, который и отправил в рот. Потом сгреб белоснежную салфетку и старательно промокнул губы.

Какая-то часть его осталась довольна.

Другая потребовала бросить глупости. Еду едят. И это все, что нужно о ней знать.

– Удивлен, – Мастер разглядывал Миху с немалым интересом. – Вы весьма меня порадовали, Винченцо.

Имя-то какое. С претензией.

Но магу подходит.

– О, оказалось, что наш друг неплохо соображает. Для дикаря.

Миха не стал облизывать пальцы, но сунул их в специальную чашу, где на воде колыхались розовые лепестки. От чаши пахло цветами. И запах привязался к рукам. Он был настолько резким, что Миха не удержался, вытер-таки руку.

– И все-таки манеры... – жест не остался незамеченным.

– Что вы хотите, Мастер, мы всего седмицу занимаемся, – развел руками Винченцо. – Но продолжим. Вам не сообщили причину задержки?

– Увы.

– И как долго продлится?

– К сожалению, тоже нет, – Мастер поморщился и взмахнул рукой. – Однако я не вижу смысла и дальше здесь оставаться.

Ухо дрогнуло.

Вообще-то у нормальных людей уши не двигаются, но вот нынешние Михины – он их даже как-то ощупал, интереса ради – отличались. Они были чуть вытянутые, с короткой щеткой шерсти по краю и могли поворачиваться в сторону звука. Не сильно, но могли.

Интересно было бы посмотреть, в какого уroda он превратился.

Миха даже попытался. Поднял блюдо, на котором не так давно стояли перепелиные яйца, фаршированные сыром и икрой. Яйца были вкусными, но мелкими. Та Михина часть, которая подобной еды не понимала, требовала глотать их целиком. Приличия заставляли разжевывать. Но как бы там ни было, сожрал Миха все.

И блюдо теперь поднял.

Наклонил, пытаясь поймать отсвет рыжего пламени. Нахмурился.

Отражение в сияющей поверхности было, но какое-то до крайности размытое. Будто он в старый бабкин самовар смотрится.

Самовар?

Память опять уцепилась за ускользающее слово, которое Миха точно знал.

– Пытаешься увидеть себя? – Винченцо вернулся как-то слишком уж быстро. И выглядел он донельзя довольным.

– Да, – Миха старался говорить кратко. Во-первых, язык плохо слушался его, словно ему, этому языку, были привычнее другие слова.

Во-вторых, далеко не все, что говорил маг, было понятно. Нет, смысл Миха улавливал, но вот значения отдельных слов ускользало. Это вновь же подтверждало теорию, что язык Михе не родной.

А какой родной?

– Любопытно, – Винченцо устроился по ту сторону стола, небрежно закинув ногу за ногу. И камни на подвязках его чулок заблестели. – Полагаю, друг мой, тебе не известно, что желание увидеть себя и сама способность узнавать – суть удел существ разумных. Осознающих, что они – личности. Ты осознаешь.

– Да, – Миха тоже опустил на стул.

Низкий. Грубо сколоченный. Безо всякой резьбы и позолоты. Но странное дело, часть Михи по-детски радовалась появлению и этого стула, и такой же грубой, уродливой даже кровати, на которой нашлось место соломенному матрасу.

Правда, другая часть утверждала, что просто на соломе спать удобнее.

– Ты немногословен. Оно и к лучшему, – Винченцо наполнил кубок вином. – Твое здоровье, друг мой. К слову, как самочувствие?

– Хорошо, – вина Михе не полагалось, но имелась чистая вода, что тоже было неплохо.

– Я рад, – и ведь не солгал.

В целом следовало признать, что встреча с Винченцо многое изменило в Михиной жизни к лучшему. И дело отнюдь не в кровати.

Вилка сама легла в руку Михи. И нож перестал вдруг казаться неудобным. Обыкновенный. Столовый. Он дома такими пользовался.

Дома?

Миха нахмурился, справляясь с очередным приступом головной боли.

– Наставник утверждает, что ты делаешь успехи. И даже не пытаешься его убить. Мне интересно, ты отказался от самой идеи или понял, что она пока не выполнима?

– Второе.

Врать магу Миха еще когда зарекся.

– Хорошо, – Винченцо кивнул. – Иногда нужно уметь ждать.

По лицу его пробежала тень.

– Ждать, – повторил Миха.

– Именно. Осталось не так долго. Мастер нервничает. И не усидит на месте. Стало быть, еще дней десять, и мы отправимся в большое путешествие. Ты бывал когда-нибудь в Империи?

– Нет. Да. Не знаю.

При упоминании об Империи Миха испытал довольно-таки смешанные чувства. И главным среди них был страх.

– Память так и не вернулась?

– Нет.

– Скорее всего, и не вернется. К сожалению, вмешательство в работу твоего мозга было куда более глубоким, чем я предполагал, – Винченцо держал бокал, но пить не пил. – Я даже удивлен, что ты в принципе способен думать.

Он слегка нахмурился, правда, длилось это недолго.

– Что ж, – бокал с нетронутым вином отправился на край стола. – Думаю, пришла пора перейти к следующему пункту нашего замечательного плана!

Эта нарочитая бодрость заставила Миху насторожиться.

– Одежда! – Винченцо хлопнул руками. – Тебе нужно привыкнуть к нормальной одежде. И завтра мы попробуем кое-что примерить. Ты рад?

Миха заворчал.

Одежда?

Отсутствие её нисколько не мешало. А вот присутствие – дело иное. Особенно если на него попытаются натянуть что-то столь же пидористическое, как на самом маге.

Да он скорее снова ребра под кнут подставит, чем нацепит подвязки.

С бабочками.

– Вижу, что рад! – маг расхохотался. – Не переживай. Я постараюсь угодить и твоему взыскательному вкусу.

Мастер смотрел на гонца премрачно. И тот, чувствуя недовольство, горбился все сильнее. На длинной шее его налилась кровью жила. А кадык мелко-мелко подергивался.

Страх этого человека успокаивал.

– Это все, что тебе велено передать? – уточнил Мастер, хотя ничтожный червь, которому выпало исполнить высочайшую волю, не рискнул бы утаить что-либо.

– Д-да, господин, – выдавил гонец. И, наступив на горло собственному страху, поинтересовался: – Будет ли ответ?

– Будет, – Мастер перекатился с пятки на носок и замер, уставившись в посеревшее стекло. За ним метались тени. Смеркалось. И в сумерках великий город магов выглядел довольно впечатляюще. По ту сторону стекла. По эту же только и видны были, что тени и огоньки.

Задержка злила.

С другой стороны, она была выгодна, ибо с каждым днем творение его становилось все более совершенным. Пусть бы и само не способно было оценить этого совершенства.

– Передай, что я буду ждать твоего господина. И надеяться, что встреча состоится. Однако ожидание это потребует от меня отложить иные проекты.

– Господин, – гонец постепенно успокаивался. Все-таки примитивные существа, вроде этого, не способны держать эмоции на протяжении сколь бы то ни было длительного времени. – Господин п-признает, что доставляет вам некоторые неудобства.

Он все-таки справился с собой, этот нелепый человек.

Химероиды надежнее.

А человек слегка распрямился и смотрел уже не на Мастера, но под ноги. Однако время от времени взгляд его скользил то вправо, то влево, выказывая, что страх сменился любопытством.

Быстро же он приспособился.

– И просит вас принять в качестве компенсации за потраченное время этот дар... – гонец извлек мешочек, украшенный знакомой печатью.

Он огляделся и, не найдя ничего иного, поставил мешочек на стол. Отступил. И вновь согнулся в поклоне.

– Иди, – разрешил Мастер. – Ответ дам позже.

Разговор его не то чтобы утомил, скорее уж требовалось хорошенько обдумать. Ждать? Ждать придется. Но сколько им еще будет позволено? Великий город замер. Он терпелив. Но ничего не забывает. Это Мастер знал точно.

– Снова? – Улыграх ступал все так же беззвучно. – И что на этот раз?

– Ничего. Он прибудет через десять дней.

А должен был завтра.

Ожидание утомляло. Мастер взял в руки мешочек. Тяжелый. Вышитый герб поблескивает золотом. Скалятся мифические полувывы, удерживая в когтистых лапах щит. Поблескивают алым цветом камни на этом щите.

– Десять дней, пожалуй, мы себе позволим, – Ульграх держался в стороне, с почтением, как и положено хорошему ученику.

– Более того, мы используем их во благо. Ты не пытался учить его читать?

– Нет, – вот теперь ученик удивился. – Думаете, он способен?

– Думаю, что мы не узнаем, пока не попробуем. Но я полагаю, что разум его, изменившись, обрел новые способности. Сам посуди. Дикарь с легкостью освоил наш язык, хотя прежде, поверь, понимал лишь некоторые слова.

Завязки оказались скользкими. А восковая печать, их скреплявшая, все никак не желала разламываться.

– Однако теперь он говорит довольно внятно. Он сидит, подобно цивилизованному человеку. Он не срывает одежду, как это было до изменений. Он ведет себя, не побоюсь этого слова, разумно.

Печать все-таки треснула.

– Так почему бы, если уж нам предоставлено время, не изучить новые его способности?

– И как вы себе это представляете? – Ульграх не выглядел вдохновленный открывающейся перспективой. Скорее уж он хмурился и глядел настороженно.

А на ладонь посыпались камни.

Крупные неграненые полупрозрачные камни того характерно бледно-зеленого оттенка, который явственно говорил об их происхождении.

– Это ведь...

– Именно. Слезы неба, – Мастер пошевелил кучку на ладони, пытаясь понять, сколько здесь камней. Не менее дюжины.

– Никогда не видел их столько и сразу! То есть, – Ульграх поправился. – Необработанных. В мастерской отца камни имеются. Но ограненные, они выглядят иначе. А вот неграненые... удивительно!

На стекляшки похожи. Мутноватые, некрасивые. Только сила, в них укрытая, пальцы покалывает. И от этого щекотно самую малость.

– Что вы собираетесь с ними делать? – Ульграх тянул шею, силясь то ли сами камни разглядеть, то ли количество их. А может, и то, и другое.

Мастер мысленно попенял себя за легкомыслие. Не следовало раскрывать кошель.

Не в присутствии ученика.

– Не знаю, – честно ответил он.

– Если вдруг решите продать, то отец даст вам хорошую цену. Или, возможно, вы захотите разменять на обработанные? В мастерской будет неплохой выбор, но оценка все одно понадобится, хотя бы для определения сродства к стихиям.

– Я подумую, – Мастер ссыпал камни в кошель. – Завтра.

Глава 9

Золотая маска Императора была исполнена столь искусно, что Мастер Ирграм не мог отделаться от пренеприятной мысли, что она и есть лицо.

Чье-то.

Снятое с живого человека, вызолоченное, как все тут, и застывшее в нынешнем великолепии.

– И мы нижайше просим, – говорить, распластавшись у подножия трона, тоже золотого, как и все-то в огромной этой зале, было несколько неудобно. Собственный голос казался слабым, а положение – на редкость глупым. – Дозволения заложить свой поселок, в котором могли бы найти пристанище как я, так и другие Мастера со своими учениками.

Дышать приходилось ровно.

А еще сдерживать гнев, распиравший Ирграма изнутри. В конце концов, он не какой-то там дикарь, полагающий, будто Император и есть ожившее воплощение божества. Он ученый! Мастер! Магистр! И добился многого, а теперь вот, уподобившись тому самому дикарю, лежит, раскинув руки, и что-то там просит.

И ведь, главное, смысла в том нет.

Все ведь оговорено и не единожды. Нужным людям поднесены дары. Даже Верховный Жрец, о котором говорили, что будто бы он магов на дух не переносит, смягчился. Что уж говорить об Императоре?! Он сам их позвал!

И нуждается в магах.

В нем, в Ирграме, нуждается.

Где-то над головой зазвенели колокольчики, на звон этот рыком отозвался леопард, дремавший у ног Императора.

– Встань, – голос из-под маски прозвучал глухо.

И главное, никто-то не помог. Напротив, маг чувствовал насмешливые взгляды дикарей. Как же, они презирали телесную слабость, не понимая, что для мага тело – лишьместилище силы. И он, Ирграм, мог бы одним взмахом руки повергнуть любого из славных их воинов.

Одного.

И двух, пожалуй, тоже.

Пятерых. Да, больше вряд ли бы вышло, разве что если призвать к себе големов. И мысль показалась донельзя притягательной, но Ирграм вместо этого поднялся, не сдержав стона. От долгого лежания – а Император не сразу позволил говорить – тело затекло.

И замерз он опять же.

Полы во дворце на диво холодны.

– Я подумаю, – Император тоже поднялся, и все-то, кто был в зале, поспешили склониться, ибо не всякому дана великая честь лицезреть сына Солнца.

Пришлось сгибаться.

И стоять.

Мимо прошли воины из охраны Императора, за ними, мягко ступая, пятнистой тенью скользнул ягуар, а там уже и сам Император, которого Ирграм опознал по золотым сандалиям. За ним же потянулись наложницы, чья кожа была выкрашена золотом, советники, шуты.

И вскоре зал опустел.

– Твою ж... – прошипел Ирграм, распрямляясь. Ныла спина. Ныла шея. Болел живот, и собственное тело вновь показалось на диво ненадежным. А поговаривали, что Древние умели направлять в него силу, и силой этой достигали совершенства как духовного, так и телесного.

Жаль, что знания утрачены.

И вот что ему делать?

Ждать новой аудиенции, надеясь, что та пройдет иначе?

Сидеть тихо в собственных покоях, теша себя мыслью, что ответ будет получен. Когда-нибудь, несомненно, будет. Или потребовать исполнения договора?

– Господин, – местный слуга стоял в положенных трех шагах. – Вас просят, господин.

Тонкокостный, какой-то прозрачный, он был бледнокож и светловолос. Явно не из мешков. Хотя среди слуг, как успел заметить Ирграм, мешки встречались редко, и то, как он подзревал, большею частью смески. Лоб слуги пересекала золотая полоса.

– Веди, – Ирграм поспешно оправил одежды, надеясь, что они не настолько еще измялись, чтобы это могло быть истолковано, как неуважение.

Вели коридорами.

Весь этот дворец, да и сам город казался мастеру одним большим клубком мышинных ходов.

– Господин, – слуга отворил низенькую дверь, впрочем, украшенную тонкой резьбой. И с поклоном отступил, позволяя войти.

На сей раз обошлось без ползания по полу.

Ирграм поклонился, стараясь глядеть строго перед собой. Не стоило обманываться кулуарностью встречи. Он явно чувствовал биение жизни слева.

И справа.

Охрана?

Пожалуй. Ему не настолько доверяют, чтобы позволить себе встречу без охраны. И настолько доверять не будут никогда.

– Войди. Присядь. Будь гостем, – голос звучал по-прежнему равнодушно, а одна золотая маска сменилась другой, столь же искусной, но скрывающей лишь верхнюю половину лица.

Ирграм молча занял место, на которое ему указали.

– Ты обижен? – теперь в голосе послышалась тень любопытства.

– Нет. И да. Простите, господин, но мне сложно принять ваши правила.

– Придется. Если ты и вправду собираешься обосноваться здесь, – Император взял с блюда кусок мяса, чтобы бросить зверю. Щелкнули клыки в опасной близости от пальцев, и мясо исчезло в пасти. – Традиции сильны. И не мне ломать их. Во всяком случае, не сейчас.

Император потрепал леопарда по загривку.

– Здесь многое иначе, – сказал Ирграм осторожно. – Когда я изъявил желание покинуть город, меня предупреждали, что жизнь в империи сложна.

Леопард уставился на Ирграма желтыми глазами.

– Что ваши обычаи неприемлемы для людей цивилизованных.

– Какие? – уточнил Император.

– Жертвоприношения. Нигде в мире больше нет такого.

Пожалуй, сказалась усталость. И еще раздражение. И многое иное, с чем он должен был совладать. Ибо чутье подсказывало, что откровения нынешние излишни.

– Мне говорили, что ты встречался с Верховным Жрецом.

– Да, – Ирграм не стал отрицать очевидное. – Он важный человек. Я желаю жить в мире с важными людьми.

– Тогда он должен был сказать тебе, почему мы делаем это.

– Он сказал. Я читал прежде. Но читать одно, а видеть – совсем другое.

Леопард вытянулся, впрочем, не спуская взгляда с человека, которого полагал в данных покоях лишним.

Воцарившаяся тишина напрягала. В ней было слышно, как воркуют голуби в золоченых клетках. И как тяжело дышит хищный зверь.

– Я не собираюсь преступать законы Империи, – выдавил Ирграм, ибо глаза у Императора стали желты, как и у леопарда. Вспомнилось разом вдруг все, что он когда-либо слышал об этом месте.

Об этом человеке.

– Хорошо, – Император прищурился. – Но ты не ешь.

– Я, – Ирграм сглотнул. – Не все обычаи я смогу принять. И дело не в неуважении. Но мои боги тоже сказали свое слово. Я не могу есть себе подобных.

Он замер, напрягшись, готовый дать отпор. А тишина все тянулась и тянулась, пока не оборвалась смехом Императора. Смеялся тот громко и заливисто.

– Так вот что говорят о нас? – уточнил он, не снимая руки с загривка зверя, который лишь покосился на хозяина и в глазах его читался немой вопрос. – Поэтому маги считают нас дикарями? Они действительно думают, что мы едим людей?

Ирграм молчал.

Он почувствовал, как кровь прилила к лицу. И дышать стало сложно.

– Что ж, можешь не отвечать. И да, порой мы разделяем пищу с богами. Но лишь в исключительных случаях. Когда тот, кто отдает свое сердце, столь велик, что сила его кипит не только в сердце. Когда силу его хранят и плоть, и кровь.

Ирграм сглотнул.

– В последний раз подобное случилось при моем отце. Мне так рассказывали. Он вызвал на бой собственного брата, с которым был рожден в один день. И в честном поединке одолел его. После чего пожелал забрать силу, что была разделена на двоих, дабы два тела вновь соединились в одно.

Замутило.

Не надо было сюда ехать.

– К счастью, у меня братьев достойных подобной участи не было, – император поднял с блюда кусок мяса. – Что до иных моих подданных, то кто-то блюдет заветы предков рьяно, кто-то предпочитает толковать их по-своему. А это лишь свинина. Кажется. Или индейка. Или еще что-то, но животного происхождения.

– Я прошу простить меня.

– Не стоит.

Зверь раскрыл пасть, принимая подношение. И облизнулся.

– То есть те тела, которые... остаются. Что с ними происходит?

– Никогда не задумывался, – Император пожал плечами. – Спроси у Верховного, он должен знать.

Почему-то опять замутило.

– Касаемо же просьбы твоей, то я помню наши договоренности. И она будет исполнена. Но будь готов, что многим это придется не по нраву. Ты договорился с Верховным, что хорошо. Мне было бы неприятно казнить его.

Леопард зевнул, обнажив белые блестящие клыки.

– Как не хотелось бы казнить тебя. Вы оба нужны мне, – Император поднялся, и Ирграм тоже, стараясь не совершать притом резких движений.

А то мало ли.

– Но я позвал тебя по иному вопросу. Скоро завершится месяц Долгих слез, – Император остановился перед клеткой, в которой метались серые амадины. – Совет смеет настаивать на моей женитьбе.

Он постучал ногтем по клетке.

– Они правы. Мне нужен наследник. И мне нужна жена. Или жены. Пока не решил.

Ирграм счел разумным промолчать.

– И в месяц Ледяной воды я дам свое согласие. И объявлю свою волю.

Он посмотрел на мага.

– В месяц Холодного неба ко двору начнут собираться женщины, которых Совет признает годными.

Амадины верещали. Леопард облизывался, явно прикидывая, столь ли прочна клетка, каковой кажется.

– Чем я могу служить? – шкурой Ирграм ощутил именно тот момент, когда следовало задать вопрос. И правильный вопрос.

– Женщины... их отцы и братья желают возвышения. Власти, которую рассчитывают обрести через единение крови моей. Цена велика.

Император сжал кулак.

– Я хочу найти тех, кто проклял ту, что держала в руках мое сердце.

Голос прозвучал тихо, но по спине Ирграма поползли ручейки пота.

– Дознание почти завершено. Так мне сказали. Виновные найдены. Признания получены.

– Но вы им не верите?

– Отчего? Верю. Но не верю, что все виновные найдены.

Леопард вновь улегся на пол и принялся вылизываться.

– Кто бы ни затеял эту игру, он продолжит её.

Ирграм едва заметно кивнул. Пожалуй, что так.

– Почему я?

– Милентуку убили магией. Магия – порождение твоего мира. Не моего.

– Вы ею тоже пользуетесь, – Ирграм вытер шею, которая чесалась от пота. – Извините, но это так. Она есть в ваших людях. Я же вижу. И в вас тоже. Вы ведь знаете, верно?

– Знание необходимо. Что до прочего, то из них слишком давно выдавливали умение обращаться с дарованной силой.

И вновь Ирграм вынужден был согласиться. Проклятья – еще тот раздел, капризная магия, опасная, с которой не каждый рискнет связаться.

– Меж тем я знаю, что многие из тех, кто на словах проклинаят магов, давно уже обращаются к ним.

Теперь в голосе прозвучало раздражение.

– Притом от меня требуют соблюдения традиций.

Ирграм опустил взгляд.

– Если я спрошу имена, ты не назовешь?

– К сожалению, нет. Я прошу простить меня, – шея заныла, и сердце закололо, словно предупреждая, что не стоит отказывать людям, подобным Императору. – Однако Закон един для всех.

– Закон – это хорошо.

– И если контракт заключен, то я могу лишь выяснить имена исполнителей, не более того.

– Выясни, – дозволил Император. – И нет, я не потребую большего. Не от тебя.

Но и не забудет. Он не умеет забывать, как и прощать, и потому сердце закололо куда сильнее прочего.

– Нельзя винить клинок в том, чья рука его использует, ибо равно он может служить и воину, и жрецу, и подлому убийце.

Почему-то в этакую благодность не поверилось.

– Но если ты выяснишь, кто сотворил этот клинок, я буду благодарен.

А благодарность Императора – это много. Куда больше, чем способен вынести обыкновенный человек. Ирграм сглотнул.

– Однако на самом деле мне надобно иное, – Император вернулся к ложу, на котором устроилась мелкая псинка, явно не испытывавшая к высокой особе благоговения. Ибо стоило Императору опуститься подле, и псинка зарычала. Рыком же отозвался леопард, а Император

усмехнулся. – Они подобны моим людям. Знают, кто их кормит, а все одно готовы укусить. И они не удержатся. Тот, кто использовал проклятье единожды, использует его вновь. Смотри, маг. Слушай. О том, что творится в вашем проклятом городе. И о том, что происходит здесь. И когда услышишь нужное, ты назовешь мне имя.

Император ухватил псинку за шею, поднял, заглянул в круглые навывкате глаза.

– А в ответ я назову тебя другом.

Шея хрустнула, и тело псинки упало на пол.

Глава 10

Миха стоял перед зеркалом.

Перед настоящим, мать его, зеркалом. Оно было велико, хотя и не сказать, чтобы вовсе огромно. Но главное, там, в темном стекле, слегка поседевшем от времени, отражался не он.

Не Миха.

– Тебе случалось видеть свое отражение прежде? – поинтересовался маг, наблюдавший за Михой с немалым интересом.

– Да.

И оно было иным.

Каким?

Проклятье! Миха не помнил. Он силился. Он морщил лоб. Он готов был голову разбить об эту треклятую зеркальную гладь. Но ничего не получалось. Разве что больно стало, будто в голову иглу вонзили. И ухо дернулось.

У того, в зеркале, уши были неправильными.

Миха покосился на мага. Нет. У него уши нормальные. Округлые. И чутка оттопыренные. Никакой тебе вытянутой ушной раковины, да еще с шерстью по краю. Миха потрогал свое.

– Ты понимаешь, что это ты?

– Да, – язык теперь давался много проще, но говорить все равно было неудобно. В горле точно ком застрял, который всякий раз удавалось выталкивать.

– Это хорошо. Некоторые примитивные особи, большей частью дикари, которых порой привозят из-за края мира, не способны сопоставить отражение с собой.

И у животных так же.

Только высшие приматы способны пройти зеркальный тест. И еще слоновьи, кое-кто из дельфинов. Откуда Миха это знает?

Боль заставила стиснуть зубы. И отражение оскалилось. Зубы у Михи тоже неправильные. Белые. Ровные. Со слишком длинными клыками, которых так-то не видно.

А в остальном – почти человек.

Смуглая кожа. Темные глаза. Волосы, что отрастали клочьями, тоже темные, почти черные. На виске то ли клеймо, то ли чешуя. Миха повернулся боком. Клеймо все-таки?

– Это родовая татуировка. Наставник думал свести, но оказалось, что она напрямую соединена с энергетической структурой тонкого поля. Он сказал, что едва не потерял тебя в тот день.

Потерял.

Это Миха знал точно.

Он трогал лицо, убеждаясь, что оно принадлежит тому, в зеркале. Но вот тот, он Михой не был. Слишком не такой. Высокий. Сухопарый. И жилистый. А Миха, он всегда поесть любил, благо, в общаге всегда было к кому в гости наведаться.

И волосы у него светлые.

Точно!

– Что ж, если ты удовлетворен увиденным, – треклятый маг снова сбил всякий настрой. – То, полагаю, стоит вернуться к делам насущным.

Миха покачал головой.

– Вряд ли тебе интересно, но мастер сказал, что спиной к тебе поворачиваться уже опасно. И что обучаешься ты просто-таки с невероятной скоростью.

Зверь внутри Михи заворчал. Ему нравилась похвала.

– Так что, думаю, ваши занятия весьма скоро закончатся.

– Да?

– Он не самоубийца. И понимает, что, если дать тебе шанс, ты не удержишься, – маг поднялся и взмахом руки отпустил рабов, что держали зеркало. Те поспешили убраться.

Люди Миху побаивались.

– Но пока нужно, чтобы ты удержался, понимаешь?

Маг сделал шаг.

И Миха тоже сделал. Навстречу. Их пока разделяла решетка, весьма крепкая, надежная, но все же и это можно было счесть сближением.

– Если ты убьешь Мастера боя, то наставник станет куда как осторожней. Он пока верит, что его заклятья способны тебя сдержать.

– Да, – согласился Миха, опустив взгляд.

– Конечно, – улыбка мага стала широкой. – Как оно может быть иначе, верно? Он ведь опытен. Он ни за что не допустил бы ошибки. Верно?

– Да.

– И хорошо. Поэтому ты сдержишься. В конце концов, Мастер боя – лишь инструмент.

– Ненавидишь? – уточнил Миха. До сих пор он не рисковал задавать настолько личные вопросы. И по тому, как судорога исказила лицо мага, понял, что он прав.

Но тот быстро справился с эмоциями.

– Это не должно тебя волновать.

– Почему?

– Друзьями мы вряд ли станем, а вот союзниками – вполне.

Влезать в союз с сомнительными условиями Михе совершенно не хотелось. Но с другой стороны, какой у него выбор? Что-то подсказывало, что без помощи не обойтись.

– Что ты хочешь. От меня.

– Учись произносить длинные фразы. Речь тоже нужно тренировать. Ты умеешь читать?

– Нет.

– Плохо, но времени на это нет. Представится случай – научись. Неграмотный человек вызывает жалость.

Иногда этого мага хотелось убить ничуть не меньше, чем прочих.

– А от тебя мне нужна будет малость. Убей.

– Кого?

– Наставника. Да и всех, до кого дотянешься.

– Тебя?

Маг осклабился.

– Это не так просто, дикарь. Шанс у тебя будет. Но воспользуешься ли ты им – дело другое. А теперь, будь добр, постарайся никуда не вляпаться раньше времени.

Не получилось.

В том смысле, что Миха вляпался прямо в грязную лужу, появившуюся на знакомой арене. А мастер, словно издеваясь, еще и плетью приложил, что называется, от всей души.

– Вставай, или решил, что раз одежду напялил, то она тебя спасет?

Одежду, к слову, было жаль.

Новая же! Никакого уважения к чужой собственности. Миха стиснул рукоять клинка, прикидывая, что если вот сейчас метнуть его, то шанс будет.

Но не тот.

Он поднялся.

И отряхнулся, подумав, что кожаные штаны, оказывается, не так уж и удобны, когда мокрые и к заднице липнут. А рубашка, шитая из сурового полотна, от плети и вправду не спасла. Хорошо, хоть куртку снять додумался, а так бы и её прорвало.

– Что-то ты сегодня квелый какой-то, – Мастер боя хохотнул и крутанул любимую плетью, распоров воздух перед самым носом. – Не прихворнул ли часом?

– Нет, – Миха двинулся по кругу, ступая осторожно.

Еще бы ботинки ему.

Или нет?

Ноги чувствовали каждую песчинку, каждый стебелек соломы, камешек, грязь, а в ботинках так не получится.

– Тогда шевелись, – щелкнула плеть, поторапливая. – Мне тут с тобой недосуг возиться.

Миха ушел от удара.

И постарался отрешиться от всего. От собственной ненависти. От ярости, сдерживать которую получалось с трудом. А главное, от взгляда, прикипевшего к затылку.

Союзник, стало быть?

Посмотрим, что за союз.

Магистр первым покинул балкон, не дожидаясь финала.

– Готов признать, что ваша задумка с одеждой имеет некоторый смысл, – произнес он, нервно оглядываясь. Пустые лаборатории изрядно действовали на нервы. – Он почти похож на человека. Это, несомненно, заказчику понравится.

Ульграх молча поклонился.

Все-таки раздражает. Вездесущест­в­у своей. И молчаливой готовностью служить, будто и вправду вжился в роль послушного ученика. Да только Магистра не провести, нет-нет, а мелькает в серых глазах что-то такое, донельзя нехорошее.

Доносит?

И думать нечего. Но только ли отцу? И что именно? Он слишком себе на уме, чтобы рассказывать обо всем.

– И когда его ждать? – осторожно задал Ульграх вопрос.

Правильный вопрос.

– К сожалению, – Магистр осторожно поскреб зудящую руку. Краснота постепенно раз­пол­залась, чему виной было исключительно волнение.

В том числе из-за мальчишки.

– К сожалению, – повторил он чуть громче, – наш заказчик не сможет прибыть сюда.

– И что теперь?

Видеть его растерянность было приятно.

– Теперь мы сами доставим образец.

– Так не делают.

– Не делают, – согласился Магистр, с трудом сдержав смешок. И вовсе он не столь уж невозмутим, славный отпрыск великого рода. – Однако это в наших с тобой интересах. Ты ведь желаешь отбыть побыстрее?

Ульграх кивнул. И заметил:

– Агент отца отписал, что все готово. Что нас ждут при дворе.

– Вот и отлично, – Магистр потер руки.

– Я не понимаю.

– А тебе и не нужно... ученик, – он не отказал себе в удовольствии указать мальчишке его место. – Завтра... пожалуй, нет. Послезавтра. Мы отправляемся. Проследи, чтобы твоему человеку выплатили компенсацию. Да и в лабораториях приберись, а то пыльно очень.

Щека Ульграха дернулась. Но нет, сдержался.

– Будет исполнено, Учитель.

И вновь поклонился. Низко. Только мерещилось в этом поклоне что-то донельзя издевательское.

– И раз уж ты так хорошо поладил с образцом, проследи, чтобы его разместили достойно. Все-таки заказчик на нас рассчитывает.

Магистр позволил себе выдохнуть, лишь когда дверь лаборатории закрылась за спиной его. Отчего-то бешено колотилось сердце, а треклятый зуд распространился и на другую руку. И даже мазь, купленная в лучшей аптекарской лавке, не принесла должного облегчения.

Появилось вдруг стойкое желание спрятаться.

Отказаться ехать.

Он ведь не должен. И Совет в последнее время притих, будто позабывши о его, Магистра, существовании. С ними ведь тоже можно договориться. Пообещать. Скажем, знания. Никто не откажется от новых знаний.

Именно.

Так и нужно было поступить. Он смог бы выкрутиться. Найти союзников. Остаться. Его знали. Его ценили. А что впереди? Путешествие? Империя дикарей, которые по сей день приносят жертвы ужасным божествам? Жизнь в неизвестности?

Забвение?

Ульграху хорошо. Если его затея не выйдет, он всегда сможет вернуться. И отец примет. А Магистр? Кто будет ждать его?

Сердце заныло.

А зуд вдруг стих. И, наверное, в любом ином случае он бы решился. Он бы вышел из покоев, нашел бы мальчишку и решительно заявил бы ему, что передумал. Что никуда-то он не поедет.

В другом случае.

Но на столе лежал темный ящик, украшенный костяными накладками. В нем же, запертом на хитрый замок, прятался кошель из тонкой кожи.

А в кошеле – камни.

Те самые Слезы небес, стоившие целого состояния. И только Ульграх в наивности своей может полагать, будто бы никому-то, кроме его семейки, не известна маленькая тайна. Одна маленькая тайна, способная изменить столь многое. Дрожащими пальцами Магистр вытащил крупный негранный камень и стиснул в кулаке.

Столько же.

Ему обещали столько же, если образец будет соответствовать ожиданиям. И этого хватит, чтобы вернуться, вне зависимости от того, получится ли у Ульграха что-то. К тому же, как знать, возможно, заказчик пожелает оставить одного мирного, но весьма сведущего в делах големостроения, мага при себе.

И это тоже будет неплохо.

Магистр окончательно успокоился и осмотрелся. Вещи большей частью были собраны давно, а то, что осталось, он упакует быстро. Можно было бы, конечно, поручить дело рабам, однако в последнее время Магистр перестал им доверять.

Даже тем, которые находились под заклятьем.

Нет, свои вещи он соберет сам. Особенно камни.

Он высыпал их на ладонь и поднес к губам, сделал глубокий вдох. Если изначально ему казалось, что камни не имели запаха, то теперь он ощущал его ясно: тяжелый, сладковатый, чем-то напоминающий аромат гниющих фруктов.

Этот запах успокаивал. Как и приятная тяжесть в ладони.

Магистр с трудом заставил себя высыпать камни в кошель, а тот убрал в шкатулку. Её же поставил в сундук, где хранился первый подарок.

Мальчишка пару раз заговаривал о продаже камней, намекая, что никто-то больше не даст хорошей цены. Может, и так. Но пока Магистр в деньгах не нуждался.

А камни... камни пусть себе лежат.

Пригодятся.

Он вытер влажные руки о рабочую мантию и потянул за веревочку. А когда дверь приоткрылась, велел:

– Неси ужин.

Да, пожалуйста, не все так уж и плохо.

Определенно.

Глава 11

Ночью случились поздние заморозки и куда более серьезные, нежели прежде. Холод посеребрил стены благословенного города, сковал льдом редкие лужицы и заставил Верховного болезненно поморщиться. Тело его, несмотря на зелья отверженных, все же помнило свой возраст, и на перемену погоды отозвалось ноющей болью в костях. Ныне боль была столь изматывающей, что Верховный с трудом поднялся с постели, и лишь позже, согревшись в горячей подземной купели, сумел восстановить дыхание.

На вершину пирамиды он поднимался с неподобающей поспешностью. Ритуальные одежды, несмотря на роскошь и тяжесть свою, от холода нисколько не спасали. А еще ко всему и дождь зарядил. Небо, затянутое тучами, гляделось хмурым, недовольным. И вновь Верховный испытал острое чувство вины.

Перед небом.

Перед богами, чьи лики ныне казались лишенными всякого величия. Стали вдруг видны и потертости, и трещины на краске, а то и вовсе недозволительные проплешины. Позолота потускнела, а драгоценные камни гляделись обычным стеклом.

И пленник попался на диво неудачный. На алтарь лег, стеная и плача, верно, оттого нож в кои-то веки вошел в плоть тяжело, будто нехотя. А сердце удалось ухватить не сразу. И в том вновь же виделся недобрый знак.

Надо будет послать к звездочетам. Вдруг да случилось что?

С другой стороны, если бы и вправду случилось, то ему бы доложили. Или нет?

Он вытер окровавленные руки полотенцем, показавшимся невероятно жестким. А спускаясь, поскользнулся, едва не свалившись с лестницы.

И уже внизу, с трудом сдерживая дрожь, Верховный позволил себе выругаться.

– Господин, – Нинус подхватил под руки и усадил его на кресло. В следующее мгновение промокшие одежды были сняты, на плечи упало меховое покрывало, а в руках оказалась чаша горячего вина. – Господин, простите за дерзость мою, но вы выглядите уставшим.

– День холодный.

– Возможно, – осторожно заметил Нинус, – вам стоит доверить утреннее жертвоприношение кому-то еще?

– Тебе?

– Если будет такова ваша воля, – он согнул голову. – Но... коль позволите...

– Говори уже, – сегодня Верховного как никогда прежде раздражала и возня эта, и недоводки. – Кого возвысить?

– Младший жрец Мекатл, – сказал он. – Он служит вам давно. И верен искренне.

– Мне?

– Вам. И истинной вере.

– А сумеет? – вино согревало изнутри, а под ноги Нинус подложил горячие камни, обернутые шерстяным одеялом.

– Он готов пробовать. И не убоится крови.

На словах многие крови не боялись, но почему-то в день последнего Солнцестояния на вершину пирамиды поднялись лишь трое. И отнюдь не доброй волей.

– Что ж. Пусть приходит. Завтра посмотрим.

Верховный попытался вспомнить, как выглядит этот Мекатл, но был вынужден признать, что то ли собственная память его стала слаба, то ли жрецов было слишком уж много, но никого-то подходящего на ум не приходило.

– Он будет счастлив.

– Рад, – Верховный посмотрел на помощника, который не спешил уходить. – Что еще?

– Старший среди магов нижайше просит о встрече. И о продолжении вашей беседы, – Нинус смолк ненадолго. – У них хорошие целители. Лучше наших. Возможно, вам стоит откликнуться на просьбу.

В другой раз Верховный подумал бы.

В другой раз.

Но кости ныли, нудно, неприятно, и каждое движение давалось с трудом.

– Пусть. Прибудет. И целитель тоже. Если я им и вправду нужен.

– Не только им, – Нинус поцеловал край плаща. – Вы нужны всем. Поверьте.

Хотелось. Но не получалось.

Маг прибыл в сопровождении еще одного мага, невероятно худого, будто истощенного болезнью. Лицо его с бледной ровной кожей и лихорадочным румянцем приковывало взгляд необычностью черт. И Верховный не отказал себе в удовольствии рассмотреть его.

Сам же маг глядел под ноги.

И движения его были скупы, нервозны. От пальцев исходил холод, однако это вовсе не было неприятно. Напротив, этот, рожденный чужим прикосновением, холод заставил отступить иной.

– Сердце слабое, – сказал маг будто в сторону. – Организм изношен. Плохо.

– Насколько?

Ирграм слегка нахмурился, и Верховному стало интересно, чем же вызвано это недовольство. Изношенностью его, Верховного, тела или же надеждами, которые маги явно связывали с ним. И теперь рисковали.

– Справимся. Понадобится лечение. Ежедневное. Нормальное. Здесь укрепляющими настойками уже не обойтись. И условия, – маг все-таки позволил посмотреть в глаза Верховного, и тот поразился, до чего ясные, яркие у того глаза. – Хорошее питание. Правильное. Тепло. Здесь прохладно, а вы легко одеты.

– Вы уж извините, мастер Варенс, как все целители, довольно самоуверен. Однако он лучший из имеющихся здесь.

Верно, потому как иных не было.

– Постарайтесь больше отдыхать. Я сделаю зелья. И амулеты. Но потребуется кровь.

– Зачем? – Верховному и вправду было интересно. Странно, но именно к этому конкретному человеку он не чувствовал отвращения, которое испытывал к магам.

– Для тонкой настройки. Те, что были прежде, неплохи, но эффективность воздействия энергии увеличивается, когда она, скажем так, знает, на кого и как воздействовать. Это как... не знаю. Носить обувь, сшитую по вашей ноге, или просто обувь.

Он улыбнулся, робко, виновато.

– Я могу принести клятву, – поспешил выступить Ирграм, – что кровь эта будет использована лишь для создания исцеляющих артефактов.

– Не стоит, – Верховный протянул руку. – Нам следует учиться доверять друг другу, раз волей Императора мы связаны.

– Что ж, – кажется, маг несколько растерялся. – Я рад, если так... поверьте, в наших интересах, чтобы вы прожили как можно дольше. И я сделаю все, от меня зависящее, чтобы поправить ваше здоровье.

– Однако?

– Однако мне понадобится ваша помощь.

– Носить больше камней?

– Нет, – маг покачал головой и смолк, уставившись на целителя.

А тот не торопился.

Он ощупал руки и ноги.

Возложил ладони на плечи, и боль, терзавшая Верховного, отступила. Он едва сдержал постыдный вздох облегчения и мысленно укорил себя за слабость.

Меж тем маг коснулся коленей.

Взял в ладони стопы.

И отпустил через несколько минут. Дышать стало легче. И сердце забилось ровнее. И вдруг показалось, что все-то болезни отступили, что он вновь молод и полон сил. А заодно уж устремлений.

– Не стоит обманываться, – тихо произнес маг-целитель. – Это временное облегчение. Но я постараюсь, чтобы вам и вправду стало легче.

Кровь он брал тонкой железной иглой, которая крепилась к шару. Шар был стеклянным, и Верховный зачарованно наблюдал, как наполняется он красной жидкостью. Вид собственной крови вдруг вызвал невероятное отвращение.

Замутило.

– Вам нужно будет прилечь. Отдохнуть. Поесть. И есть больше мяса, возможно, бульонов. Я напишу.

Маг-целитель спрятал шар с иглой в коробе, откуда достал три флакона.

– Утром, днем и вечером, – он поставил их по очереди. – По три капли. Во время еды. Или растворив в молоке. Вкус не слишком хорош, но это для укрепления сердечной мышцы.

– Благодарю.

Надо будет поблагодарить иначе, достойно, однако Верховный подумает о даре, который мог бы сполна выразить его благодарность, позже. Теперь его ждала беседа.

– Вы, – Ирграм заговорил, лишь когда целитель покинул комнату, – верно, слышали, что ваш Император собирается выбрать себе жену.

– Или жен, – согласился Верховный.

– А можно не одну?

– У его отца было семь жен и две дюжины наложниц. И множество наследников.

– И куда они подевались?

Опасный вопрос. Лишь чужак способен задать его, рассчитывая, что ему действительно ответят.

– Когда Император возложил на голову венец из перьев цапли, он устроил большой праздник во славу всех богов, что берегут его род и земли.

Жрец замолчал, надеясь, что и сказанного будет достаточно.

– П-понятно, – маг и вправду понял, стало быть не так глуп.

– Боги благословили его, – Верховный посмотрел на собственные пальцы, к которым вернулась вдруг прежняя подвижность. Он даже не отказал себе в удовольствии пошевелить ими, радуясь тому, что движение не причиняет боли.

– Это хорошо. Наверное. Простите. Некоторые ваши обычаи чужды мне. Но я не собираюсь осуждать.

– Это было бы крайне неразумно.

– Да. Я. Мне нужен совет. Ваш. Насколько я понял, Император не слишком хочет жениться.

И вновь же опасная тема, но, верно, сила, бурлившая в Верховном, сделала его неосмотрительным.

– Его сердце было отдано той, что ныне пребывает в чертогах Ушедших. Да будет легким её путь, – Верховный коснулся пальцами лба. – И когда она была жива, Император не помышлял о других женщинах.

– Тогда понятно.

– Что тебе понятно, маг?

– Его желание отомстить. Признаюсь, я... не слишком хочу вмешиваться. Но похоже, выхода нет. Он полагает, что тот, кто убил его жену, попробует вновь вмешаться, скажем так, в процесс. А я пока не представляю самой сути этого процесса! Как все происходит?

Он и вправду был растерян, этот человек в пышных одеждах. Но отчего бы не помочь? Император, пожалуй, прав. Кто бы ни стоял за смертью темноокой Милинтики, а мешала она многим, он не упустит удобного случая.

И использовав магию единожды, вновь к ней обратится.

Скорее всего.

– Когда-то давно, когда наши предки лишь ступили на эти земли, их было мало. Особенно женщин, – Верховный понял, что с удовольствием прилег бы, и не на соломенный матрац, к которому, казалось, давно уж привык, но на перину.

Под пуховое одеяло.

– Некоторые воины решили взять в жены женщин этой земли, а другие желали сберечь свою кровь. Из них-то и пошли ветви Великих родов.

Маг слушал внимательно.

– После уже они тщательно оберегали чистоту крови, полагая лишь её благословенной.

И вина бы он выпил, горячего. А к нему бульона, чтобы всенепременно наваристого, душистого. Станные желания, позабытые, почти противоестественные для того, кто привык обходиться малым.

– И ныне существует семь родов, которым удалось почти невозможное. Никогда-то их кровь не мешалась с иной. И оттого лишь среди дочерей этих родов Император может взять себе жену.

– Благодарю.

– Милинтика происходила из низкого рода. И поэтому многих оскорбило её возвышение. Ей простили бы, останься она наложницей, даже любимой, но Император пожелал нарушить закон.

И ни к чему хорошему это не привело.

– Она родила Императору трех дочерей, но в живых осталась лишь старшая. Император любит её. Очень любит, – Верховный замолчал, раздумывая, не слишком ли много было сказано.

– Я ценю вашу откровенность. И клянусь силой, что ни одно слово, произнесенное здесь, не будет передано кому-либо.

На ладони вспыхнула и погасла искра.

– Женщина не может наследовать трон Ягуара, и лишь потому Иолцин еще жива. Однако привязанность к ней Императора ни для кого не является секретом.

– И когда он женится, то... – маг вовремя замолчал.

Некоторые слова не стоит произносить вслух.

– Полагаю, он понимает. И беспокоится, – Верховный коснулся груди. – Что тебе поручено?

– Слушать. Смотреть. Следить. Попытаться установить, не использует ли кто магию. Нашу магию.

– И ты способен это сделать?

– Способен.

– Тогда делай.

– Я боюсь ошибиться. Я хороший маг, но тонкие интриги – не для меня, – вздохнул Ирграм. – Простите. Если вы посоветуете, как себя держать. Если...

– Приходи завтра, – Верховный понял, что прежняя бодрость исчезла, сменившись невероятной усталостью. – И мы продолжим беседу.

– Спасибо.

– Ты мне не нравишься. И я полагаю, что магам не место в Империи. И с куда большим удовольствием я вырезал бы твое сердце, но ты и вправду нужен. Пока.

Кажется, маг вздрогнул.

И все-таки сумел сохранить лицо.

– Вы также. Пока.

Глава 12

Клетка Михе категорически не понравилась. Он попятился и заворчал.

– Не глупи, – сказал маг, стоявший возле сооружения из толстых железных прутьев. – Или ты хочешь, чтобы тебя усыпили? А так оно и будет.

Миха мотнул головой.

Клетка была тесной.

И узкой.

И просто нехорошей.

– Понимаю. Она подавляет энергетические потоки, но так надо, – маг зашел внутрь и вышел. – Видишь, ничего не произошло.

С ним. А Михе, он ведь не животное, чтобы его вот так, в клетку.

– Послушай, – маг явно начинал злиться. – Выбора у тебя нет. Завтра мы, хвала Богам, отправляемся. А потому ты попадешь в эту клетку. Но лишь от тебя зависит, будешь ты в ней пребывать в сознании или же тихо спать до самой встречи с новым хозяином.

– Нет.

– Возможно, что и после неё. Заклятье «Верного рыцаря» не требует, чтобы тот, на кого оно налагается, понимал, что происходит. Ты просто проснешься и поймешь, что всем сердцем, всей душой любишь кого-то.

Миха любил.

Раньше.

Не сказать, чтобы сердцем и душой, но любил. Кого? Он не помнил. Мелькнул образ девушки, от которой пахло чем-то сладким. И кажется, он даже голос её почти слышал. Но вот лица не разглядел. Жаль. Может, если бы удалось вспомнить девушку, Михе вспомнил бы и себя?

– Настолько, что отныне все твои устремления подчинены лишь этому человеку. Ты не то что убьешь ради него или умрешь, ты шкуру с себя живьем снимешь, чтобы он был счастлив. И это вовсе не красивые слова.

– Видел?

– Да, – щека мага дернулась, а лицо его исказила гримаса ненависти. – Видел. Помню. Поверь, эту дрянь недаром запретили. Не важно. Главное, что обратного пути не будет. Более того, привязка уже начата. Я знаю, что проведены два первых этапа. И ты получил кровь хозяина. Остался третий, после которого можешь забыть о свободе.

Он повернулся спиной.

– Зачем? – Михе сделал шаг к клетке. – Ты. Помогает.

– Затем, что ты, может, и дикарь, но крайне полезный. И клетка не всегда будет заперта.

– Чего хочешь? На самом деле.

Михе как-то вот не верилось в такую вдруг благотворительность. С другой стороны, какие у него варианты?

– Мне казалось, я уже говорил. Просто убей.

– Кого?

– Всех, до кого дотянешься. Магистра первым.

– Не могу.

– Заклятье?

Миха кивнул. Неужели он бы не попробовал. Он и пробовал. Особенно в первые дни, когда гнев брал верх над разумом.

– Это временное. Действие его слабеет. Да и вот, – на ладони мага появился бледный осколок стекла. – Возьми. Проглоти. Не бойся, вреда он не причинит, во всяком случае по моим расчетам не должен.

– Что это?

– Это? Это то, что уничтожит Империю. И город магов, если повезет, – маг оскалился. – Эти камни способны впитывать силу и хранить её. Ментальные конструкторы, а твоё подчиняющее заклятие к ним и относится, чтоб ты знал, весьма тонки. И хрупки. Не буду уверять, что камень поглотит его полностью, но структура будет нарушена. А дальше все зависит от тебя. Насколько сильна твоя ненависть.

– А твоя?

Улыбка мага стала ещё шире. А вот ответить он не ответил. И камень не убрал.

– К слову, советую не удерживать его в организме. Все-таки ты создание во многом искусственное, нуждающееся во внешней стабилизации.

Много слов.

Камень падает в ладонь. Крохотный. Миха помнит, что неогранённые бриллианты выглядят вот так же, мутными стекляшками. Правда, не помнит, что такое бриллианты, но разве это важно.

– Не боишься? – он прячет камень за щеку. И тот ощущается куском льда.

Неприятно.

– Чего?

– Я и тебя могу убить.

– Если есть желание, попробуй, – маг смеется и громко. А отсмеявшись, продолжает. – Ты все-таки дикарь. И наивен. Убить мага куда сложнее, чем какого-то там мастера боя. И шанс у тебя будет лишь один. Не упусти его.

Камень проваливается в желудок. И странное дело, Миху мутит.

Он ел мясо с земли. Он грыз кости.

Хлебал протухшую воду. А мутит от камешка. Но тошнота успокаивается, а по телу расползается неприятная истома. Хочется прилечь.

– Иди, – маг указывает на клетку. – Тебе надо привыкнуть.

Привыкать пришлось долго.

Камень никуда не делся. Миха чувствовал эту ледышку внутри себя. И то, как она жгла, как мучила, заставляя глотать кислую слюну. В какой-то момент он почти отключился, правда, очнувшись, стояло возле клетки появится рабам. Они закрепили на клетке веревки. А уж дальше несуразное существо, похожее на железного краба, подняло её. Миха даже привстал, разглядывая очередного, сотворенного магией, уродца. Клетку установили на металлическом панцире, где нашлось места еще паре. В одной сидел белоснежный зверь хищного вида, в другой – нечто косматое, свернувшееся шаром.

Отличная компания.

Просто мечта.

Миха тоже лег и прикрыл глаза. Краб двигался неспешно, и панцирь его покачивался, и создавалось ощущение, что это сам мир качается, убаюкивая. Хищная тварь заворчала, но тоже как-то не зло, растерянно скорее.

– Успокойся, – сказал ей Миха, не открывая глаз. – Все равно ничего не сделаешь.

И добавил.

– Пока.

Краб прополз за решетку, которая обычно была закрыта. Он двигался в коридоре, довольно просторном, если для людей, но теперь края панциря едва не касались стен. Коридор прервался очередной решеткой. А за ней уже обнаружились ворота.

За воротами – двор, обнесенный высокой стеной. И здесь царила такая суеда, что Миха ненадолго выпал из полудремы, в которой он почти примирился с наличием штуки внутри себя.

Первое, что он увидел, были огромные создания, явно искусственного происхождения, ибо только человеческий разум способен поставить корабль на колеса.

Точно.

Миха даже очнулся, до того резким и ясным было воспоминание. Корабль! Только с очень короткими мачтами, которые гляделись сущим издевательством. А так те же гладкие выпуклые борта с двумя рядами отверстий, из которых выглядывали бронзовые носы пушек. Тот же слегка задранный нос. И позолоченное чудовище на нем. То ли лев, то ли носорог, то ли и то, и другое разом. Переплетение веревочных снастей.

Свернутые паруса.

И колеса.

Колеса явно были лишними в конструкции. Как и массивная надстройка в задней части.

Миха моргнул.

Меж тем краб, все так же покачиваясь, неспешно, с механическим безразличием, поднимался по сходным.

– Куда! – заорал кто-то, заступая дорогу. – Грузите на второй!

– Господин, – вперед выступил смуглый невольник, державший краба на веревке, что было довольно-таки забавно, ибо тварь была крупнее в разы. – Господин велел сюда. Важный груз.

– Да мне...

– В чем дело, – маг сменил обычный цветастый свой наряд на простую одежду. Миха и узнал-то его лишь по запаху.

– Зверье на второй! – повторил косматый тип с повязкой на глазу.

Типичный пират.

Миха нахмурился.

– Господин... – залепетал невольник, подвигаясь ближе к голему.

– У меня на корабле не будет зоопарка!

– Зоопарка, несомненно, однако, надеюсь, одна-единственная клетка вас не смутит? – маг против ожиданий не стал возмущаться. – Мы, помнится, оговаривали этот момент.

И краб продолжил движение.

Клетку и вправду сгрузили лишь Михину, причем грузили отнюдь не бережно. А могли бы и аккуратнее, он же ж живой. Но клетка грохнула о палубу, накренилась и устояла лишь чудом.

– Вяжите, – буркнул косматый, оказавшийся тут. И глядел он на Миху хмуро.

Миха оскалился.

– Эксперимент, стало быть?

Миха оскалился еще шире.

– Тихо сиди, эксперимент, – косматый показал кулак, но тем и ограничился.

Весьма скоро Миха остался один. Усевшись на пол, он наблюдал за суедей внизу. Вот раздался гудок, и люди внизу замерли.

Отступили, попятившись, грузовые големы.

Второй гудок.

И одна за другой посыпались веревки, освобождая корабли. Миха уловил дрожь, сперва едва ощутимую, но нарастающую с каждой секундой. Вот корпус чудовищного творения содрогнулся и закрипел. Появилось ощущение, что корабль этот того и гляди развалится под собственной тяжестью, но нет. Не развалился. Со скрежетом расползлись части палубы, выпуская узкие темные трубы. А из них уже вывалились клубы пара.

Это что, у них там паровой двигатель?

На этакой махине?

Миха вскочил даже, потом подумал, что один хрен не помнит, что такое паровой двигатель и почему ему не место на корабле, и снова сел.

Мимо, спотыкаясь, пробежал матрос. Он поспешно освободил конец веревки, и второй тоже, и над палубой взмыли куцые железные крылья.

Серьезно?

Вот так крыльями?

Крылья пришли в движение, и Михаил подумал, что, если эта штуковина поднимется в воздух, он собственный хвост сожрет. Но запоздало вспомнил, что хвоста у него нет.

Впрочем, взлетать корабль не стал.

Он со скрипом повернулся, и огромные колеса мелькнули за палубой. Куцые крылья гребли воздух, и Михаил пытался понять смысл этого движения, но не выходило.

Однако, как бы то ни было, махина покатила вперед. Сперва медленно, явно с натугой, но с каждым поворотом колес она двигалась все быстрее. Дрожь усилилась, а гул стал ровным, равномерно громким. Изредка в нем проскакивали стучащие ноты, которые наверняка что-то да значили. Михаил пытался понять что, но не получалось.

– И все-таки не верится, – маги появились снизу. Михаил видел, как матрос любезно подал руку, помогая старшему выбраться на палубу. Тот остановился, что-то спросил, но тихо, так, что Михаил и не расслышал. А матрос в ответ поклонился и махнул куда-то вперед.

На нос.

Капитан должен был быть на носу.

– Определенно не верится, что вы подбили меня на этакую авантюру, – старший из магов был настроен весьма благодушно и, остановившись рядом с клеткой, произнес. – Удивительно. Я опасался, что он придет в возбуждение. А он спокоен.

– Возможно, помнит, что такое корабль, – возразил второй. – Он ведь как-то прибыл в город.

– Рабов обычно везут на платформах, а это все-таки иное, – маг, на свое счастье, не стал проверять глубину Мухино спокойствия, как и совать руки в клетку. Все-таки он был довольно благоразумным человеком, а потому жизнь прожил долгую.

Камень внутри Мухи похолодел. И Михаил спешно сглотнул слюну.

– Здесь и шумы, и запахи.

Про запахи Михаил согласился. Воняло изрядно. И главное, он, спокойно относившийся к смраду, что источало всякое зверье, ныне едва сдерживал тошноту.

– Но и хорошо. Спокоен и ладно... все-таки нам еще долго ехать, – Магистр потер руки.

– Три дня до Урнаса, – маг поглядел на Муху, но тот сделал вид, что этот вот разговор совершенно ему не интересен. – А там придется пересаживаться на подводы. Дорога в баронствах не слишком хороша.

– Ничего, – старший отмахнулся. – Главное, что нас там ждут. Да... определенно...

– Заказчик?

Значит, у Мухи будет три дня, чтобы свалить.

– Не важно, – Магистр развернулся и проворчал недовольно. – Качает крепко. Я вниз.

– Я, пожалуй, останусь, если не будет иных указаний. Прослежу. А то вдруг и вправду буянить начнет, – маг поглядел на Муху, и тот поспешно заворчал, всем видом показывая, что всенепременно начнет.

– Как знаешь.

И ушел.

Некоторое время ничего-то не происходило. Корабль двигался. Мимо проплывали стены домов. Серый камень. Красный кирпич. И желтый кирпич. И снова камень. Дома поднимались

высоко, чтобы сомкнуться над кораблем узкими галереями. Те в свою очередь спешили уцепиться друг за друга, перехлестывая жгуты веревок, и все это напоминало безумную паутину, в которой застряли бусины големов.

– Таков великий город магов, – он снова заговорил первым.

Вот ведь припекло, если болтает с дикарем. А ведь он дикарем Миху и считает. Поэтому и откровенен, полагает, что Миха слишком туп, чтобы понять всю глубину душевных терзаний. Стало быть, и терзаться не стыдно.

– Расскажи.

А Миха не гордый. Спросит.

– О городе? Почему бы и нет. Выпустить, извини, пока не могу, но если встанешь, то кое-что видно будет, – маг оперся на борт. – Мы идем по краю, поскольку внутренний круг закрыт для караванщиков.

Дома стали ниже, и Миха поднялся. Раз уж экскурсию пообещали, то отчего бы и не поглядеть. Заодно, может, и вспомнит что.

– Да и вообще чужаков пускают туда неохотно. Вон там, видишь, башни?

– Вижу.

Их сложно не увидеть.

– Впечатляют, верно?

Ну, Миха видал и побольше. До небоскребов им явно далеко, а вот с обычную двенадцатизатжку, пожалуй, будут.

Где он их видел?

Мелькнул перед глазами другой город, серый, полный дымов и звуков, похожих на нынешние, но все одно других. В этом городе, разрезанном черными дорогами, он гулял.

С кем?

Когда?

Голову опять сдавили тиски, и Миха поспешно замотал, пытаясь избавиться от накатившей боли. Сейчас, с этой дрянью внутри, о которой он почти забыл, боль ощущалась особенно острой.

– Давным-давно, когда небеса разверзлись и пролились на землю огнем, многие города погибли. Горели леса. Земли становились бесплодными, а людей поражали странные болезни. И тогда многие бежали, сами не ведая куда.

Башни были кривоваты и толстоваты, стены их казались неровными, да и сами они выглядели так, будто вот-вот рассыплются от старости.

– Тогда двенадцати мудрецам, которых прочие полагали бесполезными искателями, ибо желали они познать прошлое, удалось расшифровать камень, оставшийся от Древних. И благодаря этому они обрели знание. Они использовали его, чтобы защитить город от небесного огня. А потом, много позже, когда небеса успокоились, они велели собрать небесные камни.

Метеориты, что ли?

Миха заворчал.

– У вас помнят о тех временах? Впрочем, не важно. Главное, что те, кто касался камней, болели и умирали, но некоторые остались живы и, более того, обрели удивительные способности.

Из-за радиации? Мутировали?

Метеориты, радиация. Бред, достойный лучших сценаристов. Еще бы знать, кто это.

– Тогда-то и появилась магия. А с нею – двенадцать основателей, получивших в руки кровь неба, которую они сумели соединить с собственной.

– И возвыситься.

– Именно. Ты не такой дикий, если понимаешь.

Миха хмыкнул. Мир другой, а дерьмо такое же. И почему не удивляет?

– Магия стала сутью города. Пока там, за стенами его, творилось безумие, город процветал. Мастера понимали, сколь важны знания. И сила. А потому собирали всех, в ком проснулась искра. И год от года магов становилось больше, и силы их росли, и знания. До какого-то момента. Город процветал. И двенадцать родов, начавших свой путь от отцов-основателей, правили им мудро.

– Сказка.

– Точно. Но, заметь, утвержденная. Что там было на самом деле, кто знает. Даже мой отец не слишком любит говорить о прошлом. Но важно не оно, а настоящее. Маги изменились. Им больше не нужно знание. Напротив, оно их пугает. Другое дело власть. Деньги. Роскошь.

Башни проплывали мимо.

Корабль шел, медленно покачиваясь. И Миха смотрел уже на крыши домов, до которых, казалось, было рукой подать.

– Больше власти. Больше денег. И еще больше власти. На что они тратят свои силы?

Вряд ли на общественное благо.

– Главным образом на то, чтобы утопить соперника. Они погрязли в интригах. Они не видят, во что превращается город!

– Во что?

– Вот там, погляди, – маг указал куда-то вдаль. – Там селятся мастеровые. Их немного и почти все кому-то служат. Дальше простонародье. Охотники. Бродяги. Разорители могил. И рабы. Много рабов. С каждым годом их становится все больше.

Он сжал кулаки.

Идейный?

– Рабство – плохо, – решил поддержать знакомого Миха. Идейного борца с рабством как-то даже убивать неудобно будет.

– Хуже того, опасно. За последние десять лет количество рабов удвоилось. А судя по имеющейся тенденции, следующее удвоение произойдет еще в более короткий срок.

Прогрессия, мать её, она такая.

Миха даже не удивился новому слову.

– Вон там, посмотри, – маг махнул куда-то в сторону. – Видишь?

Миха видел. Понять бы еще, что именно.

– Стена. Граница города.

Стену точно видел. Высокую, широкую и какую-то кривую, будто архитектор, который её строил, план рисовал, будучи нетрезв. Иначе как объяснить, что стена эта то выгибалась внутрь, тесня халупы, то вдруг выдавалась вперед, выплевывая жалкое подобие башни, то вновь поворачивала.

– В границах города торговля запрещена. Людьми, – на всякий случай уточнил маг. – Теперь рабские рынки расположены за нею. Увидишь.

И Миха увидел.

Глава 13

Сперва он увидел ворота в достаточной степени широкие, чтобы корабль на колесах не застрял. Подумалось еще, что это было бы весьма печально. За воротами лежал мост, под ним проглядывалось некое жалкое подобие рва. Некогда, надо полагать, ров был глубок, но нужда в нем отпала.

– Было время, когда маги воевали, – счел нужным пояснить маг. – Но давно.

– С кем?

– В основном с мешками.

Миха заворчал.

– Да, кто с ними только не воевал. Но те времена в прошлом. Сейчас они не рискуют приближаться к границе. И не только они.

Корабль ощутимо трянуло, когда колеса его коснулись земли. Он накренился, заскрежетал, а куцые крыльца замахали быстрее.

– Мы уверились в собственном могуществе, – маг оперся на борт. – Смотри хорошо. Вот там дорога Древних.

– Кого?

– Древних, – маг проявил невероятное терпение. – Тех, кто и создал этот город, как и многие иные.

– И где они?

– Города?

– Древние, – Миха прищурился.

Дорога. Хорошая дорога. Широкая. На такой и пара кораблей разминется, хотя, конечно, людновато. Где-то там, вдалеке, виднелись суда поменьше, но тоже на колесных платформах, причем поставленных одна за другой.

Поезд?

В памяти мелькнула безумная картинка сооружения, от которого воняло железом и людьми. Мелькнула и исчезла.

Точно поезд.

И повозки.

Одни тянулись в город, другие – из него.

– Древние ушли. Когда? Давно. Еще до той ночи, когда рухнуло небо. От них только и осталось, что эта вот дорога, и другие.

– И города?

– И города тоже. Правда, города сгорели, почему-то на них звезды падали особенно часто. А что не сгорело, было разорено людьми. Не важно. От Древних остались знания, но тоже оборванные.

По обе стороны дороги возвышались столбы.

Белые.

И не из камня сделанные. Впрочем, на металл вещество тоже не походило.

– Ночью они светятся. Это во многом облегчает жизнь, – маг заметил внимание. – Но ты лучше смотри туда. Вон, сейчас как раз пойдем мимо. И неспешно. Уже потом, когда минем рынки, погонщик добавит скорости.

Миха кивнул. Логично. Судя по тому, что творилось на дороге, особо здесь не разгонишься.

– Это крупнейший из рабских рынков, – маг выпрямился, вглядываясь куда-то вперед. Ему хорошо, а вот Михе только и видны, что низенькие длинные дома.

На коровники похожи.

И помосты тоже видны.

Люди на помостах. Кто-то кричит, кто-то отвечает. И голоса, мешаясь с грохотом колес и дребезжанием корабля, сливались в один сплошной гул.

– Каждый год сюда привозят больше пятнадцати тысяч рабов. К тем, которые уже существуют в городе.

– Откуда?

– Со всех концов мира. Степи, пустыни. Говорят, за морем есть иные земли, дикие, на которых обретаются дикие же люди. Они ходят нагишом, не знают огня и поедают друг друга. Но в то же время они сильны и отличаются завидным здоровьем, что делает их ценным материалом.

– Опыты?

– В том числе. И опыты. И големы. Конечно, плоть можно вырастить, но это требует огромного количества энергии. Проще всего плоть изменить. Скажем, кости, следом мышцы. Как меняли тебя. Почти так же. Для производства големов раба умертвляют, плоть консервируют, а после, изменив структуру, все собирают обратно.

То есть Михе, можно сказать, повезло?

– Вот там, слева, обрати внимание, – маг махнул в другую сторону. – Там материал привозят с рабских ферм.

– И такие есть?

– Почему нет? Иногда дешевле получить раба естественным путем, чем устраивать экспедицию на другой край мира. Так что да, рабские фермы – явление вполне обыкновенное. Есть крупные, где хозяева занимаются селекцией. Там, к слову, можно заказать раба с определенными характеристиками. Сочетание магии и опыта дает просто-таки поразительный результат. Но подобные рабы стоят дорого. И производят их в относительно небольшом количестве, большей частью именно для Башен.

Миха потер челюсть.

Он не помнил, где жил раньше, но определенно нынешний мир отличался редкостной ублюдочностью. Революции на них нет.

– Здесь же торгуют фермы попроще, поменьше. Но при желании тоже можно отыскать немало интересного.

Маг выдохнул.

– Но знающие люди говорят, что самый ценный материал привозят берберские охотники. И не далее, как пару недель тому, в порту стало одно судно.

Меж бараков медленно шествовало существо, чем-то похожее на крайне уродливого слона. Шаровидное тело. Массивные ноги-колонны. Крохотная голова на тонкой шее. И огромные горбы, меж которыми уместился погонщик.

– Это кто?

– Голем, – сказал маг, слегка поморщившись. – Примитивный. Погонщик следит за порядком.

За существом следовало еще одно, чуть меньше и шире, а за ними пятерка смуглых людей в доспехах.

– На самом деле здесь редко случается что-то серьезное, – маг расплылся в предвкушающей улыбке. – Обычно им приходится иметь дело с пьяными драками. Иногда рабы, из новых, пытаются бунтовать. Но сам понимаешь, это бунт обреченных.

Раздался протяжный низкий звук.

– Стража вооружена, а голем способен с легкостью преодолеть любую преграду.

Но что-то произойдет.

Миха это шкурой чувствовал. Маг оттолкнулся и, покачнувшись вместе с палубой, вдруг вцепился в прутья клетки.

– Запомни, дикарь. Шанс будет лишь на одного. Реши, кого ты ненавидишь больше!
И тут низкий звук стал громче.

Яснее.

Он доносился откуда-то... откуда-то доносился. Слева. И справа. И отовсюду. Заскрежатали вдруг и замерли крылья, корабль же содрогнулся всем телом, чтобы в следующее мгновение резко нырнуть вниз. Накренилась клетка, и Михе пришлось вцепиться в неё руками, повиснув на прутьях.

– Что за...

Маг исчез.

Вот стоял только что, и исчез. А огромный голем, который еще недавно был далеко, вдруг повернулся и весьма бодро потрусил к кораблю.

Он шел, не разбирая дороги.

Твою ж...

Ноги твари топтали.

Людей. И помост. И что-то разлетелось щепками. Кто-то заорал, громко и протяжно. И крик этот полоснул по Михиным нервам, выдернув из оцепенения.

Если тварь доберется.

Когда тварь доберется.

А она доберется.

Стражник, выскочивший перед ней, был небрежно отброшен движением ноги. А голова твари задралась, выпустив пучок длинных гибких щупалец. Прошла судорога по туше, и на серой коже проклюнулись желтоватые сочащиеся гноем шипы.

Миха дернул дверцу. И та открылась.

Надо же, какая любезность.

Выбравшись на палубу, он оценил происходящее. Корабль застрял. Колеса с левой стороны то ли в яму угодили, то ли подлюмились, не удержав массивную тушу. И Миха готов был поклясться, что это не случайно.

По палубе носились люди.

Что-то орал тип в кожаной жилетке, надетой на голое тело. Хлыст в его руке метался, порой обрушиваясь на чью-то голову, но становилось только хуже. Паника нарастала.

Миха огляделся.

Голем подходил ближе. Здоровущий он все-таки. И куда больше слона. Раза в два. Громяют ноги, покрытые костяными наростами, давят, что людишек, что хибары. И второй не отстает.

Еще минута, и до корабля доберутся.

Венец щупалец раздвинулся, и тварь плюнула слизью. Ком её накрыл того, с хлыстом, и человек завопил.

– Мерзость, – сказал Михе, раздумывая, стоит ли уже убраться куда-нибудь, или все же погодить. От твари он увернется, она при всей своей массе довольно медлительна. Михе быстрее.

Человек захлебнулся воем.

А с бортов корабля, осознав неминуемость столкновения, посыпались матросы.

И где маг?

Неужели не слышит? Или слышит и предпочитает отсидеться?

Миха откатился от клетки.

И второй где, который затеял все это веселье. Интересно, конечно, чего ради, но тут уж Михе, коль жив останется, спросит.

Он нырнул в какую-то щель и затаился.

Тварь же вновь плюнула слизью, правда, на сей раз ни в кого не попала, и тихо зашипели, распolzаясь, доски. Она же, рванув к кораблю, ударилась о борт со всей дури. Корабль издал протяжный скрип, затрещал, явно не рассчитанный на подобное обращение.

Голем же издал протяжный визг.

И отпрянул.

Затряс головою, и в стороны полетели брызги то ли слюны, то ли слизи. Миха вжался в палубу. Ну же. Самое время появиться магу. Он же ж, мать его, великий и могучий.

Да и корабль вот-вот развалится.

На разваленном корабле далеко не уедешь.

Краем уха Миха уловил тот странный звук, который слышал вначале. То ли гул, то ли вой, то ли барабанные удары. Далекие, приглушенные, и все же невероятно раздражающие. Миха мотнул головой, силясь избавиться от этого гула, который, казалось, переселился прямо под череп, сводя с ума.

Требуя немедленно выбраться.

И убивать.

Разрушать.

Миха зарычал. И повернулся туда, откуда доносился звук. Сперва он, сколь ни вглядывался, ничего-то не видел, кроме обезумевшего голема. Тот метался, круша все, что видел на своем пути.

Но звук. Он был.

Именно он приводил големов в ярость. Именно он вызывал безумие. И Миха, зашипев, выпустил когти. Те пробili кожу, и боль слегка отрезвила.

Маг.

У Михи будет один шанс.

И нельзя отвлекаться на всякие глупости.

А маг таки показался.

– Ко мне, – хлестанул приказ, и Миха вцепился когтями в доски, но тело послушно двинулось к человеку, который имел над Михой куда больше власти, чем хотелось бы. – Выбрался?

Взгляд мага был холоден.

– Отлично. Значит, ты не так туп, как мог бы быть.

Тварь завопила и плюнула слизью, вот только плевок растворился, не добравшись до мага. Тот лишь вскинул руку, и голем пошатнулся, но все-таки устоял. Он припал на задние ноги и затряс головой. Щупальца его метались, не находя жертвы.

– Видишь? – маг указал на зверя. – Управление потеряно.

Он добавил пару слов покрепче.

– Убить? – Миха сосредоточился на ледышке, которая вдруг ожила внутри него. Более того, желудок свело судорогой, и треклятая ледышка выскочила в глотку. Во рту появился характерный привкус желудочного сока, но Миха стиснул зубы.

– Убей. Заберешься наверх. Погонщик, скорее всего мертв. Сними корону. И разломай. Маг вновь взмахнул рукой, заставив голема упасть на зад. Тот издал обиженный рев.

– Ульграх! – этот голос перекрыл все иные звуки. – Зачисти второго... если сможешь.

Маг добавил это чуть тише.

– Бестолочь, как и все в его возрасте. Что стоишь? Иди!

Это уже было адресовано Михе.

– Убей!

Гул в голове вдруг накатил, накрыл волной.

Как когда-то в Крыму, когда морская вода оказалась горькой, и он удивился этой горечи. И рассмеялся. Схватил кого-то, потянул в набегавшую волну, желая опрокинуть. И сам едва не упал.

Этот гул надломил преграду в голове.

Почти вернул память.

А еще переродил приказ.

Убей?

Миха убьет. Он заставил себя проглотить ком с ледышкой и протянул руку к магу. Медленно. Слишком уж медленно. А шанс только один.

Убей. Убей. Убей.

Стучали барабаны в голове. И смеялся кто-то, кто умел говорить с миром. Не только маги способны использовать его силу.

Убей.

Маг повернулся спиной, вскинув обе руки, и звук почти исчез. Ненадолго. Миха отряхнулся, понимая, что у него и есть то – доли секунды ясного разума.

Относительно ясного.

Убей. Убей. Убей.

– Убей же! – крик мага отрезвил. – Ульграх! Они привезли сакхемскую барабанщицу!

Он зарычал. И голем издал такой же звук, словно пытаясь передразнить мага. И рыком же ответил Миха, чувствуя, как судорога выгибает его тело. Он справился с нею.

Он вспомнил себя там, в круге.

С плетью.

Плети не было. Были когти. Рывок. И тело подчиняется. Оно ломает себя. Оно дрожит и требует забиться в какую-нибудь щель. Но подчиняется. Тянутся руки. Смыкаются на влажной, покрытой красными пятнами, шее мага. Раздается резкий хруст, который должен был бы потонуть среди других звуков, но не тонет. Этот звук заставляет Миху согнуться, и тело его все-таки избавляется от ледышки.

Его рвет прямо на мага.

И голем, поднявшись на задние лапы, передние обрушивает на корабль, сминая его, круша, вымещая на нем, безответном, и страх, и ярость.

А барабаны заходятся в песне. И вот уже, отвечая на неё, снизу, с рынка, долетают голоса, сплетающиеся в один жадный полный гнева вой.

Революции не хватает?

Миха почему-то захохотал и от радости, наверное, а может, из опасений – ему еще не приходилось убивать магов – оторвал голову. Это получилось куда проще, чем он ожидал. Тело вяло дернулось, а Миха кинул голову в тварь. Попал как раз в сплетение щупалец. И тварь всосала голову внутрь себя.

Твою ж...

Глава 14

Миха увернулся от очередного плевка, что с шипением расплзся по палубе. Он только и успел, что подхватить треклятую, измазанную желудочным соком и слизью, ледышку. Зачем? И сам не знал.

А корабль хрустел.

И рассыпался. Тварь вновь обрушилась на несчастное судно всею своей немалой массой. И следовало убираться.

Правда...

Миха огляделся. Если второй маг и был где-то рядом, то прятался весьма умело.

Искать?

И тратить время? Сойтись в честной схватке? Что-то подсказывало, что честной схватки не будет. И Михаил принял решение. Подобравшись к краю – тварь, кажется, забыла о его существовании – он скатился, цепляясь когтями за доски.

Доски хрустели.

Сверху сыпалось что-то. Снизу доносились вопли. Ноги разъехались на чем-то мокром и, глянув вниз, Михаил подумал, что глядеть не стоило бы. А вот убраться подальше, пока тварь не завалили – завалят её точно, тут сомнений нет – мысль разумная.

Гул в голове усилился.

И Михаил остановился, пытаясь заткнуть уши пальцами. Но стало только хуже. Ярость накатывала волна за волной и потому, когда на Миху налетел здоровый негр, размахивающий цепью, Михаил с преогромным удовольствием выпустил ему кишки.

Стало легче.

Визжащей девице, что появилась следом за негром, он свернул шею. В руках девица держала тесак и чью-то голову, и данное обстоятельство несколько успокоило совесть.

Да что тут творится-то?!

Миха вытер камушек и, осознав, что вариантов у него не так и много, сунул его за щеку. Поднял тесак. Огляделся.

Позади тварь доламывала остатки корабля. Второй застыл в полусотне метров и выглядел почти целым. Но борта его облепили полуголые люди.

Визжащие.

Перемазанные кровью и потрохами люди. Они же раздирали остатки второго голема, который то ли неудачно упал, то ли сам по себе сломался, но застыл, странно перекосившийся, неподвижный. Взмахом тесака Михаил остановил очередного ненормального. Да они точно не в себе! А гул нарастал. И в нем дело. В этом гудении, которое почти лишает разума. И даже странно, что Михаил держался.

А он держался.

Ледышка за щекой не позволяла провалиться в алую бездну ярости.

Вокруг пахло кровью и дерьмом, и смесь этих запахов казалась до того привлекательной, что Михаил готов был извлекаться в ней, пропитаться ею.

Опять тошнит. И тошнота помогает удержать ускользающее сознание.

А гул уже не в голове. Гул вокруг.

Рядом.

Надо идти на звук. И Михаил идет.

Бредет.

Пробирается меж трупов, которых как-то много, стараясь не задерживаться взглядом. Но все равно видит. Вот женщина с неестественно вывернутым телом. Пожилая. Красивая.

В богатых одеждах. А рядом с нею две совсем молоденьких девочки. И одна даже жива, она сидит, прижимая руки к разваленному животу, и слабо порывается.

Мужчины. Возможно. Переломанные. Перерубленные.

Кем?

Теми же, что лежат дальше.

Убей.

Убей. Убей. Убей.

– Хрен вам, – Миха вытер кровавые сопли.

Ну, маг! Он ведь знал! Не мог не знать. И он все подстроил. Зачем? Чтобы убить наставника? Неужто другого способа не было? Менее глобального.

На Мihu выскочила пара гигантов, чья кожа была черна и расписана шрамами. Взметнулись цепи. И тело само ушло от удара. Двигалась пара быстро, но не быстрее Мухи.

И уж куда медленнее Мастера клинков.

А кровь оказалась алой.

Сладкой.

И ненадолго заглушила гул в голове.

Мать твою, он что, еще и каннибал? Миха уставился на тело у ног. Часть его требовала вырвать свежую печень и сожрать её сырой. Вторая что-то там бормотала про неразумность и прионные болезни.

Сам Миха вытер кровь с лица и огляделся.

Стена, отделяющая рынок рабов от города, была не сказать, чтобы далеко. Но в город ему точно не надо. В городе он долго не протянет. А вот если пробиваться дальше, по дороге, то шанс есть. Главное, уйти, пока маги не опомнились.

А они должны опомниться.

Не может местная заваруха незамеченною остаться.

Значит, времени не так много, но сперва Миха должен найти источник звука. Ведь близко же.

И он с некоторым сожалением – печень врага бросать не хотелось категорически – переступил через трупы. Идти оказалось недалеко.

Сперва Миха пробрался через полуразрушенные хибары. Некоторые из них вяло занялись, вокруг других лежали тела, судя по приличной одежде, отнюдь не рабов. Потом были помосты.

И снова мертвецы.

Берег.

Корабль, на сей раз нормальный, без колес, правда, он горел и весьма интенсивно, выпуская в сизое небо полосы дымов. Тут же, на берегу, растянутые веревками, отходили люди. Миха видел их лица и раззявленные рты, из которых не доносилось ни звука.

Или доносилось, но он утратил способность слышать?

Все заглушал тот же дикий гул.

И тогда Миха увидел её.

Женщину, что сидела на огромном дощатом щите. Щит держали четверо темнокожих гигантов. Их лица, расписанные белыми и синими полосами, казались уродливыми масками. Бугрились мышцы, выталкивали шрамы, из которых складывался сложный рисунок. И он сам по себе гляделся одеждой.

Миха отступил в тень полуразвалившегося барака.

Но его то ли не заметили, то ли не сочли опасным. Гиганты стояли. Женщина стучала по маленьким барабанам, стоявшим на коленях, целиком сосредоточившись на этом занятии. И лицо её, застывшее, неподвижное, ужасало.

Она не была молодой.

Скорее наоборот. Миха отметил седые космы, такие яркие на фоне черной кожи. И обвисшую грудь. Складки на боках. И руки, что взлетали и опускались, едва-едва касаясь поверхности барабанов. Но каждое прикосновение порождало гул.

И гул отражался в голове.

Он вызывал боль и ненависть. И пелена ярости вновь упала на глаза, заставив отступить.

Миха заворчал и заставил себя шагнуть вперед.

– Прекрати, – сказал он женщине, ничуть не сомневаясь, что будет понят. И она услышала. Оскалилась, обнажив такие острые зубы. А гиганты, что держали щит, открыли глаза.

Миха увидел налитые кровью белки и черные точки зрачков.

– Прекрати. Не знаю, чего добиваешься, но мертвецов много.

Женщина засмеялась.

– Сотворенный! – она говорила на другом языке, которого Миха не мог знать, но он прекрасно понял её. – На тебе кровь проклятых!

– На мне много какой крови, – признался он и почесал за ухом. Кровь теперь ощущалась липкой пленкой, которая, застыв, намертво въестся в кожу.

– Ты убил сотворившего. Хорошо, – женщина оскалилась больше, и Миха увидел острые подпиленные зубы. У людей это ненормально.

Люди – это млекопитающие. А значит, зубы у них дифференцированы на клыки, резцы и еще что-то там, чего он уже не помнит.

Он сделал шаг, не сводя с гигантов настороженного взгляда, готовый ударить.

– Не бойся. Мои сыновья не причинят вреда.

– Зачем? – только и спросил Миха.

– Они пришли в мой дом. Они разорили его. Они убили моих детей и детей их детей. Они должны умереть сами.

– Все? – Миха обвел рукой городок, который уже тонул в дымах. – Ты убила всех из мести?

– Месть? – старуха покачала головой, и по белой губе её скользнул язык. – Не мечь. Все здесь.

Сухой кулак коснулся груди.

– Я лишь выпустила это на свободу. А дальше они сами. Но ты... ты убил проклятого. Однако не избавился от печати. Когда барабаны в голове твоей замолчат, тебе станет плохо. И ты умрешь.

Не было печали.

Почему-то новость не испугала, но слегка огорчила.

– Я помогу. Подойди. Ближе.

Гиганты молча опустили помост, а Миха шагнул меж ними. Да он им до плеча не достает. Старуха же поднялась. Её ноги, кривоватые, оказались сухими и тонкими.

Тело же покачивалось на них, явно с трудом удерживаясь на весу.

Палец коснулся лба. И от прикосновения этого в голове взревели барабаны. Они оглушили. Ослепили. Они полностью раскололи Мihu на осколки, чтобы позволить собраться вновь.

– Теперь хорошо. Будет плохо. Но не умрешь, – старуха убрала руку.

– Уходите, – Миха покачал головой, которая еще болела, но уже вполне терпимо. – Скоро здесь будут другие. Маги. И вы умрете.

– Мы уже мертвы, чужак, – она покачала головой и, сняв с шеи нить, на которой висел осколок бурого камня, протянула. – Возьми.

– Спасибо.

Отказываться Миха не стал. Он вообще чувствовал себя до крайности странно.

– Что взамен?

– Проклятые. Убивай. До кого дотянешься.

Что ж, не сказать, чтобы вовсе невыполнимо или как-то противоречит собственным желаниям Михи. А потому он склонил голову.

– Иди туда, – старуха указала вдоль реки. – Дальше лес. Спешу. Мне нужно играть, пока во мне осталась жизнь. Дети матери Мохо прольют сегодня много крови.

Она вновь уселась на грязные доски и пальцы коснулись барабанов, пробуждая их голоса. И безумие.

Миха отступил.

И еще отступил.

И только оказавшись в тени барака, который уже совсем неплохо горел, Михи позволил себе повернуться к старухе спиной. Впрочем, она о нем, кажется, забыла. Барабаны били.

Но теперь голоса их не вызывали в Михе прежней ярости.

И он, вдохнув дымный воздух, принял разумное решение: убираться и подальше.

Восстание рабов, небывалое по размаху, подавили лишь к закату, и то для того пришлось вывести в поле полдюжины боевых големов высшего уровня защиты. Големов сопровождала полная звезда магов, которые скорее присутствовали, чем принимали участие.

Ульграх тоже наблюдал.

– Что ж, рад обнаружить вас живым и невредимым, – с некоторой насмешкой произнес Магистр Урвар, подавая руку. Ульграх не стал отказываться.

Он выбрался из развалин, отряхнулся.

И огляделся.

– Удручающее зрелище, – заметил он, сдавив голову руками.

Нет, он, конечно, знал, что сакхемские барабанщицы на многое способны, но знать – это одно, а ощутить на собственной шкуре – совсем другое.

Голова раскалывалась.

Во рту поселился странный привкус рвоты. Да и перед глазами все плыло.

– Как вообще это получилось? – задал Ульграх вопрос, который явно мучил не только его.

– Разберемся, – магистр поморщился и взмахом руки выпустил пламя, очищая путь големам. Те двигались неспешно и, послушные слову погонщиков, методично добивали всех, кто мог представлять потенциальную опасность. – На днях прибыл берберийский корабль. Они оставили заявку на организацию аукциона. Были приглашены многие уважаемые люди. У вас кровь из носа идет.

– Ничего, – Ульграх поспешно прижал к носу обрывок тряпки. – Значит, не повезло?

– Скорее уж наоборот, – магистр ступал неспешно, то и дело останавливаясь. Он морщился, явно пытаясь оценить размер нанесенного ущерба. – Аукцион должен был состояться завтра.

Кровь текла сквозь тряпку.

По губам.

И на вкус была соленой.

Ульграх слизывал капли, понимая, что это не совсем нормально. Но голова еще гудела, словно в ней поселились те самые проклятые барабаны.

– Странно, что они так поспешили, – магистр снова заговорил уже на берегу. Он остановился перед телом старухи, чьи волосы были белы, а кожа черна. Она, иссохшая, обтягивала кости столь плотно, что видны были не только они, но и остатки мышц, и даже проступившие толстыми веревками нити кровеносных жил.

Пальцы мертвой барабанщицы сжимали круглый камень.

Еще несколько валялось тут же.

Как и темнокожие мертвецы, оскалившиеся в небо.

Ульграх отвернулся.

– Нисколько. С обычным патрулем она справилась, но окажись здесь пара магов посерьезнее, тех, кто поняли бы, что происходит, все было бы иначе.

В небо поднимались дымы. Пахло паленой плотью и жженым волосом. И от запахов этих к горлу подступала тошнота.

– Как бы то ни было, – магистр наступил на барабанщицу, и кости её захрустели. – Все окончено. Надо будет сказать Совету, чтобы пересмотрели правила. А то ведь и вправду, проберись эта дрянь в город...

Он покачал головой.

А Ульрих закрыл глаза.

Барабаны в голове смолкли. Почти.

Глава 15

Вечером Ульграх, отмытый и почти нормально себя чувствующий, сидел в мягком кресле. Кресло стояло у окна, из которого открывался чудесный вид на город.

Ныла рука.

Болело плечо. И еще спина, пусть бы сестра и уверила, что повреждения столь малы, что и силу на них тратить излишне. Само пройдет. Может, и пройдет. Если подумать, то случилось ему быть в куда более отвратном состоянии. Однако почему-то не успокаивало.

Нисколько.

Ульграх сжимал кубок с горячим вином, щедро приправленным медом и травами, и пилился в темноту. Сквозь нее проступали тени башен, изредка подчеркнутых огнями. Сам же город утопал где-то в бездне ночи.

– Рад тебя видеть, сын, – отец вошел через вторую дверь.

– И я, – Ульграх поднялся и отвесил поклон, который сегодня дался особенно тяжело. Заныла спина, и колено вдруг предательски подломилось.

– Я рад, что ты цел.

Ложь. Не то чтобы не рад, скорее уж позволь Ульграх себя убить, отец лишь уверился бы в его никчемности. А если и испытал бы разочарование, то лишь тем, что план провалился.

– Вот, – сегодня не было настроения играть в слова, а потому Ульграх просто положил на стол мешок.

Отец подвинул его к себе, развязал и высыпал камни на полированную столешницу. В полутьме они слабо мерцали, показывая, что Ульграх не ошибся.

– Это все?

– Да, – Ульграх склонил голову.

Все, что удалось найти.

– Сын? – шелкнули пальцы и виски сдавило. Вновь проснулись барабаны, застучали, запели, но, как ни странно, их голоса принесли облегчение. И Ульграх сумел выдать:

– Все. Клянусь.

Барабаны смеялись.

Отец же поверил.

И давление отступило.

– Что ж, – он опустился в кресло и, протянув руку к камням, закрыл глаза. – Неплохо. Определенно, неплохо. Три дюжины среднего размера, пара крупных. Ты выяснил, кто был заказчиком?

– Боюсь, что нет. Времени не хватило.

Сердце сжалось. Отец никогда не принимал оправданий. Таких оправданий. Но повезло. Сейчас он был занят камнями.

Только не стоило обманываться. К этому разговору он вернется.

– Плохо, – это было сказано в сторону.

– Я старался. Но он не вел записей! Он почти все держал в голове. Но мне удалось восстановить процесс. И если позволишь, я продолжу работу.

– Нет.

– Но почему?! – из-за усталости и барабанов Ульграх позволил повисеть голос, за что и был наказан. Боль вспыхнула в груди. И сердце остановилось, следом перехватило дыхание, а собственное тело стало чужим.

– Забываешься, – сказал отец, удостоив взгляда.

– П-прости.

Пытка длилась вечность, но потом ему позволили дышать.

– Порой мне кажется, что ты неисправим, – отец сгреб камни в кошель. – Для тебя есть куда более серьезное дело, чем возня с големами.

– Это не совсем големы.

Ульграх вовремя прикусил язык.

– Не важно. Найдется кому разобраться. Сегодня отдыхай. Завтра изложишь все, что узнал. И мысли. Если они у тебя есть.

Отец взвесил кошель на ладони.

– Так говоришь, он даже не понял?

– Нет. Возможно, – Ульграх облизал потрескавшиеся губы. – Возможно, мы слишком рано избавились от него?

Он запнулся.

– Стоило подождать. Наблюдать. Он бы вывел на заказчика. А теперь... как мы поймем, откуда взялись камни?

– Из Империи мешеков, – отец погладил нежный бархат. – И насколько понимаю, там тоже не знают, что такое истинные Слезы звезд. К счастью.

Ульграх сглотнул.

– В целом я тобой доволен. Но вот образец следовало бы ликвидировать.

– Он все равно не протянет долго, – Ульграх шкурой почувствовал, что отец готов был выслушать. – Во-первых, он все-таки привязан к своему создателю, а временное ослабление этой привязки не означало её полного исчезновения. Так что уже к полуночи его накроет откатом.

– А во-вторых?

Появилось поганое чувство, что его вновь проверяют. И решают, годен ли он, сын рабыни, носить гордое имя Ульграх.

– Во-вторых, он проглотил камень.

– Ты отдал ему Слезу?

– Одну. Совсем крохотную, – Ульграх вцепился в подлокотники, готовый принять гнев отца, но боли не последовало. – Это был самый простой способ избавить его от привязки так, чтобы наставник не заметил. И он сработал! Но Слеза, разрушив узы, дестабилизирует и энергетические потоки. Все-таки это создание, пусть и способно существовать в некотором роде самостоятельно, но оно зависит от силы.

– То есть, либо откат, либо Слеза?

– Именно, отец, – Ульграх склонил голову.

– Что ж... будем надеяться. В конце концов, это просто сбежавший образец.

Отец не спешил уходить.

Он устроился в кресле, сложил руки на груди и теперь просто смотрел. Рассматривал. И от внимательного взгляда его не укрылись ни усталость, ни сомнения.

– Спрашивай, – было дозволено Ульграху.

– Неужели оно того и вправду стоило? – дело не в разрешении, но если отец решит, что Ульграх что-то скрывает, то разговором здесь дело не закончится. – Я видел. Это безумие. Люди... столько людей погибло!

– Рабов.

– Но они все равно люди.

– Ты неисправим, – отец слегка поморщился и на лице появилось хорошо знакомое выражение легкой брезгливости. – Когда ты начнешь думать о действительно важных вещах?

– Простите, – Ульграх надеялся, что его раскаяние выглядит в достаточной мере искренним. – Но такие разрушения... не проще было бы действовать иначе? Устроить несчастный случай. Даже в башне!

Отец покачал головой.

– Тебе ли не знать, что согласно кодексу любые происшествия, связанные с силой, расследуются?

– Но ведь и сейчас расследование состоится!

– Несомненно.

– Я не понимаю.

– Все-таки не стоит смешивать кровь с недостойными, – отец откинулся на спинку кресла. – Это сказывается на потомстве. Расследование состоится. И установит, что некий берберийский купец наглым образом пренебрег правилами и обратил в рабство женщину сакхемской крови. А уж что получилось дальше – лишь его вина. И смерть магистра, одна из многих, вряд ли привлечет внимание. Сакхемцы почти прорвались в город и уничтожили пять караванов.

Пять.

Ульграх заставил себя держать лицо. Пять караванов, не считая рабов. Кто будет считать рабов? Или все-таки... убытки ведь.

Убытки всегда считают. Чтобы можно было заявить претензии и потребовать компенсацию.

– А случись что в башне, как знать, сколь внимания привлекло бы это происшествие?

– Я понял, отец, – Ульграх сцепил руки и поклонился. – Благодарю за науку. Я постараюсь и впредь служить семье верой и правдой.

Будто у него имеется выбор.

Ошейник кровной клятвы сдавил горло, подсказывая, что словам несколько не хватало искренности. Но не настолько, чтобы потревожить отца.

– Я рад, что ты понимаешь. Что ж, по заслугам и награда. Тебе выделяют собственные покои. Третий уровень.

– Спасибо.

– И пришла пора подыскать тебе жену. Конечно, здесь возникнут некоторые сложности.

Ульграх сглотнул, надеясь, что это ничтожное проявление чувств сочтут естественным проявлением радости. Он ведь должен радоваться.

Он и радуется. Изо всех сил.

– Твое происхождение многих заставит сомневаться, а брать какую-то девицу... нет, пользоваться ты можешь, я понимаю, что у тела есть свои потребности, так что пускай. Но, надеюсь, ты понимаешь, что человеку твоего положения и статуса невозможно взять в жены девицу из Крысиных кварталов?

– Да, отец.

– Вот и отлично. К слову, если она толковая, то скажи. Определим. Твоему брату помощники нужны.

– Не думаю, что хороший вариант. Чересчур эмоциональна, да и рассеянна.

– Что ж. Сам смотри.

Ульграх позволил себе распрямить спину.

– О намерениях мы объявим, конечно, – отец несколько задумался, явно решая, что именно может быть открыто. Клятва или нет, но Ульграху он не доверял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.